

Министерство международного сотрудничества,
внешнеэкономических связей и туризма
Забайкальского края
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук
Забайкальский государственный университет

А. В. Постников

**«БОЛЬШАЯ ИГРА В АЗИИ» ПРОТИВ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Чита
2015

УДК 327
ББК 66.1-21 : 66.4(0),03
ББК Ф1-21 : Ф4(0),03
П 635

Ответственный редактор

М. В. Константинов, доктор исторических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации

Рецензент

К. Н. Дьяконов, член-корреспондент РАН,
доктор географических наук,
заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

Постников, А. В.

П 635 «Большая игра в Азии» против России: история и современность.
– Чита: ЗабГУ, 2015. – 77 с.
ISBN 978-5-9293-1390-5

В книге рассмотрены процессы геополитического противостояния Великобритании и России в Азии, включая современные ситуации. Представлена биографическая справка и список основных научных трудов автора книги А. В. Постникова – академического ученого, доктора наук, профессора, Почетного члена Географического общества России. Публикуется рецензия на труд А. В. Постникова члена-корреспондента РАН, доктора географических наук К. Н. Дьякова.

УДК 327
ББК 66.1-21 : 66.4(0),03
ББК Ф1-21 : Ф4(0),03

ISBN 978-5-9293-1390-5

© Постников А. В., 2015

Содержание

А. В. Постников: научная персоналия (проф. М. В. Константинов).....	5
Основные научные труды А. В. Постникова	12
«Большая игра в Азии» против России: история и современность	15
Рецензия на публикуемую рукопись А. В. Постникова «Большая игра в Азии» против России: история и современность» (член-кор. РАН К.Н. Дьяконов).....	75

Алексей Владимирович Постников

А. В. Постников: научная персоналия

Алексей Владимирович Постников родился 28 марта 1939 года в Москве в семье служащих. Мать – Постникова Мария Алексеевна 1905 года рождения, служила в Советской Армии, ушла в отставку в звании инженера-подполковника. Скончалась в 1989 году. Отец – Константинов Владимир Михайлович, ученый-востоковед и дипломат. В 1938 году он был незаконно репрессирован. В 1957 году полностью реабилитирован. Доктор исторических наук. Последние годы жизни (до 1967 года) работал старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1958 году Алексей Владимирович окончил среднюю школу № 193 города Москвы с серебряной медалью. В 1959 году поступил на картографический факультет Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (ныне – Московский государственный университет геодезии и картографии), который окончил в 1965 году, получив диплом «с отличием» инженера-картографа. В период учебы в МИИГАиК, в порядке производственной практики, в течение шести месяцев проводил полевые съемки и дешифрирование аэрофотоснимков для создания топографических карт масштаба 1:50000 на неисследованные ранее горно-таежные район Алдано-Учурского хребта в Южной Якутии.

По окончании МИИГАиК стал работать (1965–1967 гг.) младшим научным сотрудником НИС «Батайск» Мурманского высшего мореходного училища заведующим лабораторией глубоководного морского промера и геоморфологии

морского дна. Принимал участие в Межвузовских океанологических экспедициях в Белом, Баренцевом, Норвежском и Северном морях, а так же – в Северном Ледовитом и Атлантическом океанах. Во время этих экспедиций были осуществлены комплексные исследования геологии и рельефа дна этих акваторий, в том числе Срединного Атлантического хребта. В конце 1967 года перешел на работу в Научно-редакционную картосоставительскую часть Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР в качестве редактора и автора исторических карт Атласа всемирной истории и Атласа истории СССР.

В 1972 годы защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности «Картография» на тему: «Картографирование истории зарубежных стран в справочном историческом атласе». В том же году перешел на работу в сектор исторической географии и картографии Института истории СССР АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. Занимался авторской разработкой карт академического Атласа истории СССР. По заданию Советской Правительственной делегации на переговорах по пограничному урегулированию с КНР начал исследования по истории географического изучения и картографирования районов русско-китайской границы в XVII – начале XX века. В 1974 г. избран действительным членом Постоянной комиссии по истории картографии Международной картографической ассоциации (МКА). В 1974–1977 годах работал старшим научным сотрудником Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэрофотогеодезии и картографии Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Являлся ученым секретарем Восьмой Международной картографической конференции Международной картографической ассоциации (МКА) (Москва, 1976).

В 1977 году перешел на работу в качестве старшего научного сотрудника в Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта. Был ученым секретарем Московского филиала Географического общества СССР при АН СССР. В 1980 году по ходатайству Министерства иностранных дел СССР переведен в Институт истории естествознания и техники АН СССР (теперь Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН), где работал в должностях старшего и ведущего научного сотрудника, заведующего сектором истории геологии и географии, заведующего отделом истории наук о Земле, заместителем директора (с 1996 г.), директора (2004–2009 гг.). С 2010 года и по настоящее время – главный научный сотрудник ИИЕТ РАН.

В период работы в Институте истории СССР АН СССР, ЦНИИГАиК ГУГК, Институте физики Земли им. О. Ю. Шмидта и ИИЕТ РАН продолжал активно заниматься исследованием истории географического изучения и картографирования приграничных территорий России и Китая в связи с историей геополитики этих двух империй и окружающих их стран, а также – с возникновением и развитием разночтений в трактовке прохождения линии государственной границы и связанными с этими разночтениями дипломатическими конфликтами. Наиболее активные исследования по этим проблемам были проведены в период с 1982 по 1986 г., когда официально входил в состав Межведомственной комиссии по односторонней проверке Государственной границы СССР с КНР, возглавляя в ней группу научных экспертов.

По итогам этой работы, включавшей интенсивные исследования документов практически всех имеющихся советских государственных, республиканских и областных архивов (в том числе секретных), хранилищ Великобритании, Франции, Финляндии, Швеции и Голландии, а также

– полевые экспедиционные работы наибольшей части протяженности границы СССР с КНР (особенно ее западного-среднеазиатского участка), А.В. Постниковым была написана трехтомная (в то время секретная) работа по истории географического изучения и картографирования всего протяжения границы СССР с КНР за период с XVII по начало XX в., официально включенная в состав отчетных документов Междуведомственной комиссии. За выполнение этой работы был награжден Почетной грамотой КГБ СССР, а также отмечен благодарностью и премией Президиума АН СССР. Материалы этого исследования были активно использованы советскими и российскими дипломатами на переговорах с китайской стороной по пограничному урегулированию, а также при создании нового межгосударственного договора по границе.

В 1990 году А. В. Постников защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук по специальностям «Геодезия» и «Картография» на тему «История географического изучения и картографирования районов русско-китайской границы».

В 1999–2003 гг. был сопредседателем Постоянной комиссии по истории картографии МКА.

В 2001 году Высшая аттестационная комиссия Министерства образования России присвоила А. В. Постникову звание профессора по специальности «История науки и техники» за подготовку кандидатов и докторов наук по этой специальности.

В 2002 год избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки (Париж) по специальности «История географии». В том же году избран членом-корреспондентом Европейской академии наук (Брюссель) по специальности «География». С 2009 года – действительный член Международной академии истории науки.

В 2003 по 2006 г. был председателем Постоянной комиссии по истории картографии Международной картографической ассоциации.

А. В. Постников уже много лет активно работает в Русском географическом обществе (ранее – Географическое общество СССР при АН СССР). С 1992 г. – член Президиума Русского Географического общества (РГО), заместитель председателя Московского центра РГО. На Съезде РГО в 2014 году избран Почётным членом Русского географического общества.

С 1992 года и до настоящего времени является Почетным членом, Международным представителем от России Хаклэйтского историко-географического общества (Лондон), занимающегося публикацией письменных памятников истории географических исследований и открытий.

В 1992 году избран членом-корреспондентом Академии естественных наук, а в 1996 – действительным членом РАЕН. С 1990 года – член-корреспондент (с 1994 г. – Международный представитель) редакционной коллегии Международного журнала по истории картографии Имаго Мунди (Лондон). В 2000 избран членом Совместной комиссии по истории географической мысли. Международного географического союза и Международного общества по истории и философии науки.

В 1990–1991 гг., на основании международного конкурса получил исследовательские стипендии Центра по истории картографии Хермона Данлопа Смита Библиотеки Ньюберри (Чикаго, США) и Центра по истории карт Коллекции Американского географического общества Университета Уисконсин-Милуоки (Милуоки, США). В 1993–1994 гг. – стипендиат Центра по истории картографии Хермона Данлопа Смита Библиотеки Ньюберри (Чикаго, США). Работа в этих центрах позволила А. В. Постникову завершить моно-

графическое исследование на тему «Русская Америка в географических картах и описаниях, 1741–1876 гг.», изданное в 2000 году. В 2015 г. в США вышел английский вариант этой книги.

В 1996 году по приглашению Королевской Академии литературы, истории и древностей проводил исследования в шведских архивах и библиотеках (Стокгольм, Швеция, две недели), по приглашению Британской Академии занимался изысканиями в Национальном архиве Великобритании и Британской библиотеке (Лондон). С июня 1998 по март 1999 г. проводил исследования в Японии в Славянском исследовательском центре (Саппоро). Эта научная командировка дала ему возможность закончить книгу «Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке» (монография в документах), изданную в 2001 году (второе издание – 2005 год).

В апреле 2001 г. был стипендиатом Коллекции Американского Географического общества Университета Уисконсин-Милуоки (Милуоки, США) и исследователем Девис Центра Русских исследований Гарвардского университета (Кембридж, США). Помимо указанных зарубежных командировок многократно бывал по темам двухстороннего научного сотрудничества во Франции, Финляндии и Польше, а так же участвовал во многих международных конференциях в качестве докладчика, председателя сессий и члена программ комитетов. В 2005 г. на Генеральной ассамблее Секции истории науки и техники (Пекин, КНР) Международного союза истории и философии науки избран в состав Исполкома Секции в качестве ассессора. В 1997 г. награжден Медалью в память 850-летия Москвы. В 2000 году присуждена Государственная стипендия на три года. В 2000 году награжден Российской Академией естественных наук Почетным знаком «За заслуги в науках».

В 2004 году Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина ему присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации (Указ № 187 от 11 февраля 2004 г.).

28 марта 2009 года Предстоятель Русской Православной церкви Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл наградил А. В. Постникова Орденом Святителя Иннокентия (Вениаминова) III степени за исследования по истории изучения природы и общества русскими миссионерами в XVIII–XIX вв.

С 2010 года А. В. Постников тесно сотрудничает с администрацией и учеными Забайкальского края. Им написан ряд весьма ответственных статей для «Малой энциклопедии Забайкалья: международные связи» (Новосибирск: Наука, 2012). Эти статьи посвящены Нерчинскому, Буринскому, Айгунскому, Пекинскому договорам, а также Английской духовной миссии и Миссионерской деятельности Русской православной церкви, и др.

А. В. Постников выступал с докладами на четырех международных конференциях в городе Чите по направлению «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность». Вместе со всеми участниками конференции он посетил исторический город Нерчинск, комплекс археологических памятников на юго-западе Забайкалья, места боев с японцами в 1939 г. на р. Халкин-Гол в Монголии, район русского Трехречья и город Маньчжурию в Китае. На конференцию 2015 г. А. В. Постников представил доклад, публикуемый в этой книге, а также доклад, посвященный своему отцу В. М. Константинову – разведчику и дипломату, чья гулаговская судьба связана с городом Чита.

Ответственный редактор
М. В. Константинов

Основные научные труды А.В. Постникова

Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы / под общ. ред. Б. В. Базарова. – М.: ЛЕНАРД, 2014. – 384 с. ISBN 978-5-9710-0699-2

Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы / под общ. ред. Б. В. Базарова. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАРД, 2015. – 388 с. ISBN 978-5-9710-1516-1

Постников А. В. Из истории первого английского посольства в Бутан и Тибет (1774–1775 гг.): Джордж Богл и его «Меморандумы». – М.: Международный центр Рерихов, ИИЕТ РАН, Мастер-Банк, 2012. – 512 с., ил.

Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): монография в документах. – М., 2001. – 416 с.: 8 л. карт. – (Памятники исторической мысли). – Публикация в Интернете (МЦР, 2012): <http://www.icr.su/upload/Postnikov.pdf>

Низовцев В. А., Постников А. В., Снытко В. А., Фролова Н. Л., Чеснов В. М., Широков Р. С., Широкова В. А. Исторические водные пути Севера России (XVII–XX вв.) и их роль в изменении экологической обстановки. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы. – М.: Парадиз, 2009. – 298 с. Табл. 57. Ил. 381. Библ. 528 назв.

Постников А. В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования: монография в документах / под общ. ред. и с предисл. акад. В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 462 с.:ил.

Postnekove A. V. Afghanistan and The Pamir dispute / Translated by M. Tahir Kani. (Munich: Vereinsur Forderung der Afghanischen Kultur E.V., [2005]). – Сокращенный перевод на язык пуштузн.: Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памирв XIX в.) / общ. ред. и предисл. акад. В.С. Мясникова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 512 с.: ил.

Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.) / общ. ред. и предисл. акад. В. С. Мясникова. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 512 с.: ил.

Постников А. В. (в соавт.). Основные достижения наук о Земле в России во второй половине XX столетия: история географии и геологии. Вып.1: Метод. материалы для подготовки к кандидатскому экзамену (по истории и философии) / под ред. акад. В. М. Котлякова. – М., 2003. – 107 с.

Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): монография в документах. – М., 2001. – 416 с.: 8 л. карт. – (Памятники исторической мысли).

Постников А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 472 с.: 90 ил.

Постников А. В. Карты земель Российских: Очерк истории географического изучения и картографирования нашего Отечества. – М.: Наш дом – L' Aged' Homme, 1996. – 194 с.: 125 ил. – (Культурное наследие России).

Английский вариант:

Postnikov, Alexei V. Russia in Maps: a History of the Geographical Study and Cartography of the Country. Moscow: Nash Dom. – L' Aged' Homme, 1996. – 192 p.: 121 il.

Postnikov, Alexei V. Mapping of Russian America: A History of Russian–American Contacts in Cartography // American Geographical Society Collection Special Publication. No. 4. (Milwaukee), 1995. – 35 p.

Постников А. В. Географические исследования и картографирование Польши в процессе создания «Топографической карты Царства Польского (1818–1843 гг.)». – М.: ВИНТИ, 1995. – 282 с. – Депонированная научная работа № 576–В95.

Postnikov, Alexei V. Karpinskii Collection Checklist. Compiled by Alexei Postnikov. Provisional draft, September 1994, Newberry Library. – Chicago, 1994. – 303 p.

Постников А. В., Гольденберг Л. А. Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. – М.: Недра, 1990. – 160 с.

Постников А. В. Использование старых карт как источника для изучения природной среды: состояние исследований и методические подходы. – М.: ИИЕТ, 1990. – 41 с.

Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

«Большая игра в Азии» против России: история и современность

Резюме. На основании архивных и литературных источников рассмотрены сложные процессы геополитического противостояния Великобритании и России на огромных просторах Евразии от Балканского полуострова и Средиземноморья до Российского Дальнего Востока и северной части бассейна Тихого океана в XVIII–XX вв. В эту «Большую Игру» были вовлечены практически все европейские страны, Османская империя, Цинский Китай и США. Анализируются современные геополитические процессы, которые, по мнению автора, являются продолжением «Большой Игры» с несколько изменившимся составом «игроков».

Ключевые слова: Геополитика, Евразия, Великобритания, Османская империя, Российская империя, Австро-Венгрия, Средиземноморье, Балканы, Греция, Польша, Литва, Украина, Северный Кавказ, Центральная Азия, Сибирь, Дальний Восток, Русская Америка, Цинская империя, дипломатия, политическая разведка.

Замечательный советский историк-востоковед, академик Александр Андреевич Губер (1902–1971 гг.) не раз говорил: «Режимы приходят и уходят, а национальные интересы остаются». История Большой Игры в Азии является яркой и непреходящей иллюстрацией справедливости этого высказывания русского потомственного дворянина и интеллигента.

Сам термин «Большая Игра» впервые, судя по всему, был употреблен английским исследователем и разведчиком капитаном Артуром Конолли,¹ ставшим в 1840-х годах од-

¹О миссии и трагической судьбе английских разведчиков в Бухаре см.: Postnikov, Alexey V. The Russian Mission to Bukhara in 1842 and

ной из первых жертв «Холодной войны» XIX века между Великобританией и Россией за геополитическое господство в Центральной Азии. Суть этой войны заключалась в том, что на протяжении XIX столетия на гигантских просторах Евразии, от Балкан до Тихого океана, в весьма драматической форме разыгралось соперничество двух величайших империй – Российской и Британской. Главным призом в этой «игре» была отнюдь не «жемчужина британской короны» Индия, как утверждали многие английские авторы, а возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах евразийского континента.

Соперничество между Россией и Британией началось в достаточно явной форме уже с 60-х годов XVIII века, когда императрица Екатерина II решительно возродила активную европейскую политику, начатую Петром I, и острière этой политики прежде всего было направлено в бассейн Средиземного моря в поддержку национально-освободительных движений наших единомышленников греков против Османской империи. В русско-турецких войнах этого периода, впервые после правления Петра, возрожденный российский флот показал всю свою мощь и обеспечил для России возможность создания Черноморского флота и постоянного выхода в Средиземное море.

Император Павел I, во многом пересмотревший внешнюю политику своей великой матушки, в Средиземноморье остался верным основным её направлениям и даже усилил геополитическое влияние Российской империи в этом реги-

the Fate of the English Emissaries Charles Stoddart and Arthur Conolly. *Almagest: International Journal for the History of Scientific Ideas*. Volume 4, Issue 2, Brepols Publishers, November 2013, pages 32–59; Постников А. В. Об итогах пребывания российской миссии 1841–1842 гг. в Бухаре и о судьбе английских эмиссаров Стоддарта и Конолли. *Проблемы востоковедения*. 2013/1 (59): 77–85.

оне, став первым православным гроссмейстером Мальтийского ордена,² причем глава Русской Православной церкви,

²Мальтийский орден существует уже более 900 лет и его история начинается с последней четверти XI века, когда в Иерусалиме был открыт госпиталь для христианских паломников, которые посещали Святую землю. Так образовалось общество иоаннитов, которое в 1099 году, после завоевания Иерусалима первыми крестоносцами, было преобразовано в религиозно-гуманитарный орден, который в 1113 году был официально признан Римским Папой как религиозный рыцарский орден госпитальеров. До окончания своего пребывания на Ближнем Востоке, то есть до 1291 года, когда крестоносцы были вынуждены покинуть регион, госпитальеры сосредоточили свою основную деятельность именно на благотворительности – они открывали многочисленные госпитали, гостиницы, приюты для бедных и т.п. И в дальнейшем благотворительность продолжала играть для госпитальеров и их преемников важную роль, но с изменением геополитической ситуации в Средиземноморье орден приобрел военные и государственные черты. После непродолжительного пребывания на Кипре в 1310 году орден госпитальеров получил в качестве резиденции греческий остров Родос и до начала XVI века использовал его как базу для борьбы сначала с арабами, а потом с турками-османами. Борьба с османами оказалась неравной, госпитальеры были вынуждены покинуть Родос и с 1530 года они обосновались на острове Мальта и впоследствии орден стал известен как Мальтийский, деятельность которого переориентировалась на финансы и торговлю, в результате чего Мальта стала государством, игравшим существенную роль в жизни Европы. Закат Мальтийского ордена наступил в конце XVIII века, когда в результате Французской революции он потерял большинство своего имущества, находившегося во Франции. В 1798 году остров был захвачен Францией, а потом Англией. После этого почти на двести лет Мальтийский орден превратился в изгнанников, первым пристанищем для которых стала Российская Империя. Принять Мальтийский орден на территории России Павел I решил сразу, как только его члены стали искать протекции, предвидя наступающее пришествие Наполеона. Мальта была сдана французскому императору без боя, и уже за несколько недель до капитуляции многие рыцари ордена пребывали в России. В 1798 году российский император был избран Великим магистром. Это не имело прецедентов в истории, поскольку человек православного вероисповедания не мог стать столь значительной фигурой в одном из главных католических духовных орденов. Но до сих пор Па-

каковым по должности являлся российский монарх, вполне осознанно дал убежище вынужденным бежать с Мальты рыцарям и в этом решении, он, как нам представляется, руководствовался не только своими романтическими представлениями о средневековом рыцарстве, но и геополитическими планами укрепления позиций России в Средиземноморье, в частности, на таком стратегически важном острове, как Мальта.

Павел I, изменив многие приоритеты внешней политики Российской империи, остался верен стремлению ослабить геополитические позиции Великобритании. Достигнутые при Екатерине Великой и её предшественниках успехи в исследованиях и освоении островов северной части Тихого океана и побережья Аляски были закреплены Павлом I

вел I с пометкой *defacto* включен в список Великих магистров Мальтийского ордена. Систему иерархии Мальтийского ордена Павел I частично слил с системой государственных чинов Российской империи. Реликвии госпитальеров (икона Филермской Божией Матери, написанная как считали рыцари, апостолом-евангелистом Лукой, частичка Животворящего Креста и правая рука Святого Иоанна) оказались в Гатчине, а потом – в Церкви Спаса Нерукотворного у Зимнего дворца, где они находились до 1917 года. В 1919 году священник Богоявленский, отступая с войсками Юденича, вывез их в Ревель. Они были переданы русскому военному атташе в Париже графу Игнатьеву для вручения их матери Николаю II, Марии Федоровне, жившей в Копенгагене. После кончины Марии Федоровны реликвии оказались у короля Георга II Греческого, который отправил их югославскому королю Александру. Одно время рука Иоанна Крестителя была выставлена для поклонения в королевской часовне в Белграде. После оккупации Югославии фашистами король Петр II, вынужденный покинуть страну, направил реликвии госпитальеров в один из черногорских монастырей, где следы их затерялись, разделив судьбу других реликвий госпитальеров, вывезенных Наполеоном. Мальту Павел I не только официально принял под протекторат Империи, но даже намеревался сделать российской губернией, о чем поступил указ государя в Академию наук. Подробнее см.: Сергеев В.И. «Павел I (гроссмейстер мальтайского ордена)». (Ростов-на-Дону: Феникс, 1999). – 512 с.; http://www.history.vuzlib.su/book_o018_page_28.html

утверждением 8 (19) июля 1799 года Российско-Американской компании, на многие десятилетия ставшей преградой для распространения на запад Аляски Британской компании Гудзонова Залива.

Британия практически непрерывно поддерживала Османскую империю и делала всё возможное, чтобы ослабить, а иногда и свести на нет политические итоги русских побед на море и на суше.

Свидетельством значительного внимания англичан к геополитике России в Средиземноморье и на Балканах является публикация некоего W.B. *Наблюдения о торговле Великобритании с Россией и Османской империей и о проектах России, направленных против османских и британских доминионов*³. Неслучаен выход в свет этой книги именно в 1801 году, когда, как будет показано ниже, Павел I в мимолетном союзе с Наполеоном Бонапартом предпринял конкретные шаги к осуществлению планов лишения Британии её владений в Индии. Автор книги, скрывающийся под инициалами W.B., по-видимому, был близок к внешнеполитическому ведомству Великобритании и, судя по приведённым им сведениям, пользовался информацией, недоступной простым гражданам империи. Так он рассказывает читателям о сведениях, сообщенных ему неким господином Итоном, служившим русским под непосредственным началом ближайшего друга и советника императрицы Екатерины II Светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (1739–1791). В третьей и четвертой главах своей книги, посвященных *планам России касательно турецких владений*, а так же *не только против Британских доминионов в Индостане, но так же против Персии, Китая,*

³[W.B.] *Observations on the Commerce of Great Britain with the Russian and Ottoman Empires and on the Projects of Russia against the Ottoman and British Dominions.* (London: Printed for J. Debrett, Piccadilly, 1801).

Японию, Мексику и Северной Америки со способами противодействия этим угрозам, английский автор в частности утверждает следующее: Вышеупомянутый мистер Итон, который жил много лет в Турции и в течение последней войны служивший в русской армии против турок, и кто благодаря таким возможностям получения информации был допущен к доверию Князя Потёмкина, генералиссимуса [здесь английский автор преувеличил, так как светлейший князь был генералом-фельдмаршалом – А.П.] и посвящён в его государственные тайны, информирует нас почти дословно о следующем: «Задолго до последней войны, и даже с тех пор как Российский кабинет и Императрица разослали эмиссаров среди Грекохристиан, особенно в Морею и Македонию а так же, по европейской Турции, греки, благодаря обещаниям эффективной поддержки, разработали свои планы вместе с российским кабинетом. Они договорились направить армию из трёхсот тысяч греческих христиан, которая должна была встретиться в Адрианополе с русской армией и объединенным войском атаковать Константинополь.» В другом месте он говорит: «Покойная императрица, при начале Французской революции, никогда бы не стала подписывать договор с Британией или любой другой державой, прежде чем не потребовать чтобы они [эти державы] не вмешивались в её проекты, направленные против Турции. Это было sine qua non – неизменным условием. У неё в то время было в полной готовности триста тысяч наземных сил, великолепный флот в Черном Море и флотилия вооруженных судов, специально построенных для высадки десанта из шестидесяти тысяч на мелководье у Константинополя, что было коротким путешествием продолжительностью всего в три дня; одновременно большая сухопутная армия, перемещаясь через Молдавию и Дунай должна была участвовать в решительной атаке на этот оплот Осман-

ской власти. Третья армия была готова пересечь Каспийское море и совместно с некоторыми персидскими ханами, предварительно привлеченными на их сторону, должны были атаковать азиатские провинции Турции.» Мистер И-н продолжает далее говорить «что планы завоеваний Императрицы были грандиозны: они включали полное завоевание Европейской Турции, преобразование Египта в независимое государство, предоставление Польше российского протектората и в конце концов включение её в состав её [императрицы] империи; осуществление завоевания Японии и прилегающих частей Кореи и Китая, удобных для устройства кораблестроительных верфей и, с постройкой верфей на противоположном берегу Северо-западной Америки, создания военно-морского флота на этих морях.»⁴

⁴[W.B.] *Observations on the Commerce of Great Britain with the Russian and Ottoman Empires and on the Projects of Russia against the Ottoman and British Dominions*. (London: Printed for J. Debrett, Piccadilly, 1801): 31–33: Mr. Eaton, before mentioned, who resided many years in Turkey, and during the last war served in the Russian Army against the Turks, and who from such opportunities of information was admitted into the confidence of Prince Potemkin the generalissimo, and into his state secrets, informs us, in nearly the following words: “Long before the last war, and ever since the Russian cabinet and Empress had /32/ spread emissaries among the Greek Christians, particularly in the Morea and Macedonia, and throughout European Turkey: the Greek had, in consequence of promises of effectual assistance, organized their plan in concert with the Russian cabinet. They engaged to march an army of *three hundred thousand Greek Christians*, who were all to rendezvous at Adrianople, and in conjunction with the Russian army, to attack Constantinople.” In another place he says: “The late Empress never would sign a treaty with Britain, nor any other Power, at the commencement of the French revolution, without previously stipulating that they should not interfere with her projects against Turkey. This was the *sine qua non*. She had then in readiness three hundred thousand land forces, a superior fleet in the Black Sea, and a flotilla of armed vessels built for the purpose of landing sixty thousand troops in shallow water near Constantinople, which was a short voyage of only three days: at the same time the grand land army, penetrating across Moldavia and the Danube, was to have cooperated in this de-

Из приведенного текста совершенно очевидно, что мистер Итон явно «сгущал краски» и смешивал действительные геополитические мечты императрицы Екатерины II (в отношении Турции, Польши и российских владений в Северной части Тихого океана) с совершенно нереальными химерами завоевания Египта, Японии и частей Кореи и Китая, которые не могли культивироваться хотя и эмоциональной, но весьма умной и прагматичной немкой, сумевшей стать великой русской императрицей. Что касается соперничества с Британской империей, оно для России было практически неизбежным, именно из-за того, что по отношению к турецким владениям на Балканах и греческих островах, населенных православными единоверцами русских, у России и Англии не могло быть согласия, что находит отражение в книге W.B. Автор рекомендует для обеспечения безопасности английских владений в Индии (Ост-Индской компании) против вторжения русских завоевать Кашмир или купить власть в нём у правителя Кабула, а Китаю он настоятельно советует активно заселять *восточную (Тихоокеанскую) Тартарию*.⁵

cisive attack upon the bulwark of the Ottoman power. A third army was also in readiness to have crossed the Caspian Sea, and in conjunction with some of the Persian khans previously gained over, /33/ were to have attacked Asiatic provinces of Turkey.” Mr. E-n continues to say: “that the Empress’s views of aggrandizement were very great: they went to the entire conquest of all European Turkey, of making Egypt an independent state, of giving to Poland a Russian sovereign, and ultimately incorporating it with her own empire; of making a conquest of Japan, and of bordering part of Korea and China, convenient for establishing a dock-yard, and with the dock-yards proposed to be formed in the opposite N.W. coast of North America, of establishing a naval force in those seas.”

⁵[W.B.] *Observations on the Commerce of Great Britain with the Russian and Ottoman Empires and on the Projects of Russia against the Ottoman and British Dominions.*(London: Printed for J. Debrett, Piccadilly, 1801): 49, 55.

Автор рассмотренного нами труда прав в том, что именно в это время в правящих кругах России появились идеи использования давления на среднеазиатские ханства для угрозы британским владениям в Индии.

Российским властям неоднократно предлагали проекты захвата британских индийских колоний. В 1791 году француз М. де Сент-Жени (M. deSt. Genie) (упомянутый так же в книге W.B.) представил Екатерине Великой проект военной экспедиции в Индию. В соответствии с этим проектом, российские войска должны были идти через Бухару и Кабул, объявляя, что их целью является восстановление господства Ислама во всем его «величии» периода империи Великого Могола. По мнению Сент-Жени такой лозунг должен был обеспечить вступление под российские знамена войск мусульманских ханств и способствовать восстанию в Индии против британского владычества. Российская императрица серьезно изучала этот план, но по совету Потемкина, не стала приводить его в исполнение. Однако, она без колебаний поддержала северо-американские колонии Великобритании в их борьбе за независимость. Победе Соединенных Штатов Северной Америки способствовал объявленный Россией 28 февраля (11 марта) 1780 года так называемый «вооруженный нейтралитет», сущность которого состояла в защите нейтральных торговых судов от нападения английского флота. Вооруженный нейтралитет, к которому до 1783 года присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия, Королевство обеих Сицилий, Франция и Испания, нанес сильнейший удар попытке Англии блокировать противников, лишив их поставок продовольствия, и этим самым содействовал успеху американцев в борьбе за независимость.⁶

⁶Подробнее о Вооруженном нейтралитете см.: *Дипломатический словарь*. <http://enc-dic.com/diplomat/Vooruzhennyj-Nejtralitet-284.html>

Если Екатерина Великая не приняла плана М. де Сент-Жени, то Павел I был весьма склонен претворять в жизнь подобные проекты, и в 1800 году договорился с Наполеоном I о завоевании Индии объединенными силами Франции и России. В специальном меморандуме Павел I выдвинул следующие обоснования этого похода: *Страдания, от которых стонет население Индии, вызвали у Франции и России живейший отклик; и два правительства решили объединить свои силы для того, чтобы освободить Индию от тиранического и варварского ига англичан. В соответствие с этим правители и народы всех стран, через которые будут проходить объединенные армии, не должны испытывать страха, напротив это предоставляет им возможность помочь всеми их силами и средствами такому плодотворному и славному предприятию; так как цель этой кампании во всех отношениях столь же справедлива, сколь несправедлива была цель Александра Великого [Александра Македонского], когда он желал завоевать весь мир.*⁷

Основным автором проекта *О походе на Индию для ликвидации там английского господства* был Наполеон Бонапарт, который в качестве главной цели похода видел изгнание англичан из Индостана, для развития в этой стране промышленности и торговли (конечно в первую очередь

⁷The suffering under which the population of India Groans have inspired France and Russia with liveliest interest; and two governments have resolved to unite their forces in order to liberate India from the tyrannical and barbarous yoke of English. Accordingly the princes and peoples of all countries through which the combined armies will pass need have no fear; on the contrary, it behoves them to help with all their strength and means so beneficent and glorious an undertaking; the object of this campaign being in every respect as just, as that of Alexander the Great was unjust, when he wished to conquer the whole world. (British Library IOLR, MSS, Eur F 112/610); Curzon George N. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question* by Hon. George N. Curzon, M.P. Fellow of all Souls College, Oxford. SecondEd. (L.; N.Y., 1889. P. 324).

французской). В связи с тем, что завоевание должно было осуществляться по суше, оно обеспечило бы открытие новых торговых путей. В заключение Наполеон высокопарно заявляет, что *если данное предприятие увенчается успехом, то тем самым будет увековечен 1801 год и правители, замыслившие это*. Наполеон считал, что в данной мероприятии должны участвовать на паритетных началах Франция и Россия, которые создают экспедиционные корпуса по 35000 человек каждый. Следовательно, в кампании предполагалось использование семидесятитысячного войска.

Наполеон направил для выбора путей рекогносцировочную группу под руководством генерала Гардена. Этой экспедицией было представлено 124 маршрута возможного продвижения войск, из которых 86 было пройдено отрядом Гардена. На основании этих данных Наполеон разработал следующий маршрут: Корпус Рейнской армии в 35 тысяч человек спускается по Дунаю до устья. Затем войска пересяживаются на российские суда и следуют Черным морем до Таганрога. Далее армия поднимается по берегу Дона до Пятихатки, переправляется через Дон и идет на Царицын. Отсюда на кораблях корпус достигает Астрахани, где встречается с русской армией. Далее обе армии на купеческих судах переправляются по Каспийскому морю до Астрабада и через город Герат, Феррах и Кандагар достигают правого берега Инда. Предполагалось, что продолжительность всего похода для французов составит 120 дней. Павел выбрал другой – сухопутный вариант: Дон, Оренбург, Бухара, Хива, видимо Мерв и Герат, где армии соединяются и далее продвигаются вместе.

Следует заметить, что проект начал осуществляться и, если бы не убийство Павла, трудно сказать, чем бы кончилась эта кампания. Во всяком случае, атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.П. Орлов (1745–1801) полу-

чил приказ начать поход, имея 25 тысяч регулярных войск и 10 тысяч казаков. Войскам объявили – если они завоюют Индию, то в награду получают все захваченные богатства. В поход выступил 41 полк, две роты конной артиллерии, 500 калмыков, а всего 22507 человек, то есть значительно меньше намеченного Павлом числа солдат. Первого марта 1801 года с *великими трудностями* выступили в путь. 18-го переправились через Волгу, а 25 марта получили извещение о смерти Павла и приказ о возвращении на родину. Дальнейшие переговоры Наполеона с Александром I закончились неудачей, а позже пути двух империй надолго разошлись и их совместные действия стали невозможны.⁸

Для подготовки этих неосуществленных проектов российские власти собирали все возможные сведения о странах, через которые предполагалось продвижение «освободительной» армии и, прежде всего – об Афганистане. Из материалов подобного рода очень характерна сохранившаяся в Архиве внешней политики Российской империи *Выписка из объяснения Греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского, представленного Светлейшему князю Платону Александровичу Зубову, во время войны с Персиею в 1796 году*. В этой справке греческий иерарх сообщал, в частности, следующее:

...Теперь спешу обратиться к Кабулу, ибо устал как бы сказать с досады взирая, что толь изящными странами наслаждаются люди толь грубые и в совершенном невежестве погруженные. – В Кабуле воздвигнул свой престол Афганский государь за пятьдесят лет до смерти Назыр-Шаха. О крепости сего имени [т.е. о Кабуле], яко не заслуживающей уважения, не могу ничего сказать, поелику простая

⁸Детали этого проекта и попытки его осуществления см.: *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Выпуск 16 (СПб., 1886).

женщина овладеть оною может, бросив туда несколько яиц. Государь сего владения чрезмерно богат дорогими каменьями и жемчугами, денег же не имеет, – едва может содержать себя своими доходами. Войско имеет всегда в готовности до двадцати тысяч, а не более. – Вкратце сказать все драгоценные каменья и жемчуги Монгольского государства ныне хранятся у него. – Министры однакож его весьма богаты как в деньгах, так и в драгоценностях. – Когда выступает он на войну, они снабжают его людьми, войском и всем нужным; ибо власть их в правлении далеко распространяется. – В случае нужды число войска их может быть собрано до пятидесяти тысяч человек; – но пять тысяч россиян чрез два часа сражения истребят оное и возьмут самого государя с женами и имуществом его. – Ружья их с фитилями, некоторая же часть войска вооружена копьями, а другие действуют стрелами. Имеют с собою и пушек несколько, которые однакож по истине вовсе неупотребительны по чрезвычайной тяжести и по неискусству канониров. – Главнейшая сила их состоит во многих верблюдах, из коих на каждом прикреплен род фалконета, который сидящий на верблюде всадник оборачивает на все стороны и в действии сем они довольно искусны и сия часть воинства есть важнейшая у Афганского государя. – Войско его вообще состоит из одной конницы и все нужное имеет каждый навьюченное на лошади. – То же войско, которое содержится всегда в готовности составлялось из пленников, кои суть остатки от Назыр-Шаха, после смерти коего Ахмет-Шах покорил их, похитив государство и все сокровища надыровы; сии пленники состоят из грузинцов, Армян, Персиян, Аравитян и Хамбесов (Абессинцов). Дураниды же, о которых говорят, что они также афганцы, служат при войске волонтирами, и как они довольно обогатились, то дорожа жизнью своею, держатся

всегда ариенгарда. – Индейские купцы, находящиеся в Кабулу, столь чрезвычайно богаты, что многие из них имеют по два, по три, по пяти и по десяти миллионов капитала; есть также и из Афганских начальников многие богатые. Вся торговля тамошних краев состоит в руках индейцев, кои в промыслах своих имеют всевозможную защиту и охранение от главнейших афганских начальников и от самого Государя их. – Кабул изобилует натуральными продуктами и скотом. Народ тамошний большею частью кочует в Аулах с стадами своими по подобию Киргиз Кайсаков.⁹ Последующая история показала и до сих пор показывает англичанам, американцам, их союзникам и нам, насколько опрометчивыми были суждения греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского о слабости афганцев, но в начале XIX века сведения, приведенные в цитированной выше справке, не могли не стимулировать желания российских властей распространить свои владения как можно ближе к границам такой богатой и, судя по сообщениям греческого митрополита, такой слабой страны как Афганистан, территория которой была отделена от Российской империи лишь полосой раздробленных центрально-азиатских владений, которые все более и более попадали в сферу её геополитических интересов.

С другой стороны, активно рассматривался альтернативный вариант пути к английским владениям в Индии, вариант, так же как и предыдущий, имевший все предпосылки к развитию благодаря уже начавшемуся в XVIII веке движению русских из Сибири в восточную часть среднеазиатского региона, окаймленного горными системами Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, образующими естественные границы Китайской империи на западе. В качестве одного из возможных

⁹АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1809–1837 г. № 1: Географические, исторические и статистические сведения об Афганистане. Л. 2–3.

путей осуществления этого варианта в российском внешнеполитическом ведомстве рассматривался *Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию, предложенный Кабульским жителем Мехти Рафаиловым 1812-го года*, в котором, в частности, утверждалось следующее: *...Падет само собою чинимое Тибетцами на сем пути препятствие, ежели та черта Малой Бухарин, на которой стоят города Каишгар, Яркенд и Хотен, поступят во владение России. Не могу оставить без замечания, что путь на сближение Индии с Россиею чрез означенные города Малой Бухарин, есть по всем уважениям первой и единственный своею удобностию, легкостию в пропитании и спокойствием от встречающихся смежных народов, коих один Российской ружейный выстрел может устрашить и разогнать многие тысячи, – а по таковой способности должно полагать оной и в числе ближайших.*

Дабы овладеть столь богатым для российской торговли приобретением, рано или поздно, но неминуемо надобно будет с помянутой полосы Бухарии Китайцев подвинуть. – Ежели миролюбивая мера не будет к тому достаточна, то можно привести их к тому одним страхом, удерживая еще вооруженную руку от удара.

Полезно для сего случая употребить сыновей Сарим-Сак-Ходжи. Принятие их под покровительство Российского двора, ободрит все магометанские там народы и калмыков; китайцы же будут объаты страхом и робостию. – Первым принять оружие против последних, совершенно будет зависеть от воли высокого Российского Министерства.¹⁰

Мехти Рафаилов подкрепляет свои доводы в пользу вторжения России в Малую Бухарию (которая в то время представляла собой китайскую провинцию Сиюй), описа-

¹⁰АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1809–1837 г. № 3. Л. 1-4 об.

нием природных богатств этих районов, замечая, в частности что *река Хотен, на котором стоит город сего имени, влечет вместе с водами своими самородное чистейшее в свете золото, которым пользуются многие природные жители, доставая оное различными способами.* Из этих же районов доставляется белая яшма для Пекина. Рафаилов отмечает также месторождения меди около Кульджи и Аксу и утверждает, что золото добывается на реке Или. Отмечая хорошее развитие земледелия, скотоводства и меновой торговли в Малой Бухарин, он утверждает, что только местными средствами там можно содержать до 60000 русского войска. Мехти Рафаилов подчеркивает связи киргиз-кайсаков Средней Орды с Кульджой, которая является центром их меновой торговли с китайцами, торговли, по утверждению афганского информатора, – принудительной с китайской стороны и невыгодной киргиз-кайсакам. Следует заметить, что самостоятельный интерес представляет собой весьма достоверное описание Малой Бухарии и системы её китайской пограничной охраны, в котором, в частности отмечено следующее: *Оканчивая степь и недоехав мало расстояние до Кашигара, встретятся уже китайские ортанги, или их сторожевые посты, не допускающие никого из подданных Российских проникнуть в свою границу, разве под именем и видом Бухарцов, Ташкенцов и прочих азиатцов; в чем производят они строжайшее наблюдение и исследование, начиная от ноина [офицер – начальник над стражею] до самого Джан-Джунга [Цзянцзюнь – Генерал-губернатор]. Мелочная китайская политика, будучи в мыслях устрашить все соседственные народы, покушающиеся на их границы, учредила свои ортанги и дорогу к оным, в местах трудных, гористых и неприступных, дабы во всех приближающихся вложить мнение, сколь неудобен приступ к их границам и с какою невозможностью должен бороться тот, кто бы*

отважился силою овладеть оными. – Между тем вправо и влево от сей дороги, на расстоянии 10-ти и 15-ти верст, находится земля совершенно открытая, ровная и способная ко всякому проезду. В тайности от Китайцев содер-жимые открытые места не только известны мне, когда я имел случай помощью некоторых издержек проезжать оными, но многим Сибирским жителям и провождающим караваны Казакам-Линейным. – По внутренности Малой Бухарии проезд так удобен и легок, что всюду ехать можно без затруднения и спокойно в самых дорожных экипажах.¹¹

Мехти Рафаилов предлагает даже свой проект *О сред-ствах на понижение высокомерия Китайцев*. В частности, по его мнению, *Успешное в том начало положить могут ходжи. – Интерес России требует принять их под свое могучее покровительство, хотя под рукою охранять их, и всеми возможными мерами подвигам их против Китайцев вспомоществовать. – Ежели они в своем предприятии, не встретят помешательства со стороны ханов Большой Бухарии и Кокандского, то являсь на сцену, и с малым числом вооруженных людей, не замедлят увидеть себя предводите-лями великого ополчения: ибо все калмыки, татары, боль-шая часть Киргис-Кайсаков и прочих там народов, к ним соединятся.*

Вместе с сим явлением ходжей, или и прежде онаго, де-ятельно приступить к мерам, на избрание нового для кал-мыков Далай-Ламы; и оживить сего бессмертного челове-ка в пределах Российских.

Для достижения такого предмета не должно щадить никаких усилий и денежных трат: поелику всякое в сем слу-чае пожертвование приносит в свое время важные плоды. Далай-Лама есть Божество всех идолопоклоннических на-родов в Великой Татарии и Индии.

¹¹АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II -33, 1809–1837 г. № 3. Л. 1 об.

Но в таком действии держаться надо верных мер иначе не можно, как призвав в совет искуснейших лам и почетнейших из Князей подданной России Орды Астраханской. – Надеяться можно, что они будут верными и усердными сподвижниками в предприятии сем. – Из их суждений яснее откроется, нужно ли будет для достижения успеха, обсылка [так в источнике – А.П.] с Калмыками Китайскими подданными.

Ручаться можно, что появление таких двух священных бичей к наказанию Китайцев, каковы Далай-Лама и Ходжа, справедливо заставит их укротить свое высокомерие и трепетать опасности неизбежной.

Равномерно из числа первых действий к подрыву интересов Китайских должно быть уничтожение менового их торгова с Киргиз-Кайсаками Средней Орды, и обращение оногo в пользу подданных Российских. Нет никакого важного затруднения достигнуть сей цели.

Я смею представить мои услуги, и ежели удостоен буду доверенности, с готовою покорностию приму препоручение всех султанов помянутой Орды привести в Россию, для торжественного утверждения верноподданства своегo оной. Они будут орудием, заставить подданных своих, производить означенный торг в Российской границе, какое к тому место, за благо признано будет удобным. Поелику же с Российской стороны, торгующее там купечество, сами собою не может вдруг такого значущего количества товаров представить на мену киргизам, какое им нужно, то необходимость и самая ощутительная польза, должны первоначально озаботить сею обязанностию, самое Российское Правительство.

Когда деятельные примутся меры, и все учреждено будет на вышепредлагаемом порядке, тогда с достоверностию поручиться можно, что китайской меновой двор

в Кульдже совершенно упразднится и весь торг их с киргизами примет течение свое в Россию, не далее как в два года. Мехти Рафаилов особо подчеркивает важность такого «поворота» потока товаров для перспективы снабжения российских войск в поддержке мусульманских ходжей и продвижении в Центральную Азию. Дальнейшая стратегия Российской империи в этом направлении представляется Рафаилову следующим образом: ...Среди произведенных в действо без явного участия России, всех возможных средств на устрашение Китайцев, т.е., когда Ходжа вооруженною рукою будет у них оспаривать владение Малою Бухарию; когда Далай Лама станет с Российской границы посылать благословение и повеление Калмыкам на разорвание их оков, и когда движение войск Российских, произведет в большое обозрение всех притесненных Китайцами; тогда не бесполезно будет отправить в Пекин Российское посольство, для окончания миролюбивым образом восставшего замешательства, и где можно будет одними переговорами выиграть у Китайцев желаемые бухарские города Кашкар, Яркенд и Хотен, приняв весь труд на себя, с сей стороны обеспечить и защитить против татар Китайскую границу. – Думается, что при таких обстоятельствах отправленное посольство будет Китайцами принято гораздо благосклоннее и дружественнее.

При неудаче переговоров, Рафаилов считал необходимым послать русский корпус в поддержку восставших в Сиюй, а в качестве отвлекающего маневра – совершить военный демарш на Амуре. Продолжение этой кампании представляется автору проекта совсем простым: *Для покорения Тибета и спокойного оным обладания, довольно одного российского батальона..., далее – завоевать Кашмир и покровительствовать индейских синков, владетельных князей Пенгаба [Пенджаба]. Они искренне и усердно притекут под*

знамена Великого Её [России] Монарха, дабы под покровительством оных, укрыть и утвердить политическое свое существование, близкою опасностью угрожаемое. Автор проекта брался быть посланцем императора к сингхам и далее на юг. В заключении своего проекта, направленного лично министру иностранных дел России, Мехти Рафаилов просит о вступлении в российское подданство и о принятии его на службу в МИД.¹²

К сожалению, нам не удалось установить с полной уверенностью, был ли принят на российскую службу Мехти Рафаилов, хотя представленные им материалы свидетельствуют о ценности такого, пусть даже и не очень скромного, сотрудника для российского внешнеполитического ведомства, если только не предположить, что он был английским агентом, но для такого подозрения нет вообще никаких документальных подтверждений. В 1825 году российский подданный с похожим именем и квалификацией, встречается в документах Министерства иностранных дел, но окончательного вывода об идентичности этих двух людей сделать невозможно. Следует заметить, что некоторые рекомендации Рафаилова во многом противоречили уже законодательно утвержденным в Российской империи строгим правилам невмешательства со стороны Православной церкви и государства в дела вероисповедания народов государства, представлявших основные мировые религии – буддизм, мусульманство и иудаизм, поэтому совет Рафаилова «оживить» в России Далай Ламу категорически не мог быть принят.

Судя по всему, рассмотренные грандиозные планы расширения торгового и политического влияния России на территории, находившиеся между её владениями и Индией, где все более укреплялась власть англичан, весьма серьезно рассматривались российскими властями, причем в качестве

¹²АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1809–1837 г. № 3. Листы 6 – 16 об.

«гуманных» поводов для продвижения вглубь центрально азиатских стран выдвигались обычные для колониальных держав претензии на введение там более цивилизованных форм правления, отмена рабства, а в конкретном случае российского приграничья – необходимость спасения из мусульманского ига множества подданных империи, теми или иными путями попавших в Бухару, Хиву, Коканд и другие мусульманские государства Центральной Азии. Последний из перечисленных поводов стал, в известной мере, основой официального обоснования (особенно для зарубежных стран) активной внешней политики России в этом регионе. Однако, следует подчеркнуть, что рекомендованные Рафаиловым жесткие действия по отношению цинских владений в Восточном Туркестане (Синьцзяне) и Тибете были так же решительно отвергнуты правительством Российской империи, исходившим из приверженности к дружеским торгово-экономическим и политическим отношениям с Цинской империей. В арсенале английской внешней политики в отношении Центральной Азии такие соображения сдержанности отсутствовали. Уже в 1774–1775 гг., невзирая на резко отрицательную позицию пекинских властей, руководство британской Ост-Индской компании направило своего представителя Джорджа Богла в самое сердце цинских владений в Центральной Азии – Тибет.¹³ В 1904 году Великобритания, грубо нарушив международное право, совершила вторжение в Тибет, основным руководителем которого был

¹³ Детально об этой миссии см.: Postnikov, Alexey V. *George Bogle, the first British envoy to Bhutan and Tibet (1774–1775): the importance of his mission for his contemporaries and subsequent participants of the Great Game in Asia* *Almagest: International Journal for the History of Scientific Ideas*. Volume 3, Issue 2, November Brepols Publishers, 2012, pages 4–45; Постников А. В. *Из истории первого английского посольства в Бутан и Тибет (1774–1775 гг.): Джордж Богл и его «Меморандумы»*. – М.: Международный центр Рерихов, ИИЕТ РАН, Мастер-Банк, 2012. – 512 с., ил.

«ястреб» Большой Игры Фрэнсис Янгхазбенд, в результате которого действовавший Далай-Лама был вынужден бежать, а поставленный англичанами, с молчаливого согласия Китая, марионеточный Далай-Лама подписал с Великобританией уничижительный договор, фактически уничтоживший независимость этого древнего буддистского государства. Этот «ход» в Большой Игре, так же в немалой степени направленный на ослабление позиций России достиг, как и во многих других случаях, противоположного эффекта, заставив тибетцев искать покровительства императора России.

Геополитическое противостояние Британии и России продолжалось в течение всего XIX столетия и особенно обострилось во время Крымской войны 1853–1854 годов, когда российские власти снова всерьез подумывали о противопоставлении англо-французской агрессии в Крыму и на Дальнем Востоке вторжения в Индию. Есть все основания полагать, что активизация продвижения России в Среднюю Азию в известной мере являлось отражением таких настроений.

Тем не менее, Британия использовала любые возможности для осложнения положения русских в Туркестане и затруднения процесса размежевания Российской и Цинской империй в этом регионе. Ярким примером является всесторонняя поддержка Англией (как будто по рекомендациям Рафаилова, рассмотренным нами ранее ¹⁴) восстания народов Синьцзяна под знамёнами Ислама против Цинского Китая.¹⁴

¹⁴О восстании в Синьцзяне см., в частности: Усманов К. Восстание в Кашгаре (1864 г.) *Труды Московского института востоковедения*. Сборник 5. (М., 1947); Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года. *Вопросы истории*. № 2. (1947); Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в.* 2-е доп. изд. (М.: Наука, 1983); Воскресенский А. Д. *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года*. (М.: Памятники исторической мысли, 1995).

Восстание привело к тому, что в 1864–1877 годах вся территория современного Синьцзяна, за исключением Илийского края, стала независимым государством Йеттишар, в котором с 1865 года правил выходец из Кокандского ханства Якуб Бек.¹⁵ *Бадаулет* (могущественный), или *аталик-гази* (отец-завоеватель) [так называл себя Якуб Бек], надеялся на то, что англичане помогут ему добиться официального признания Китая, а также – обучат его войска европейским приёмам ведения боевых действий и снабдят их необходимым современным вооружением. Англичане, со своей стороны, рассчитывали получить в Йеттишаре новые рынки сбыта и использовать это исламское государство в качестве одного из орудий осуществления своей антироссийской политики. Англичане оказали активную поддержку инсургентам, направив в Йеттишар две миссии (в 1870 и 1873 гг.) под руководством Дугласа Форсайта.¹⁶

Владения Британия стремительно расширились на север – в Афганистан, на Памир и в Туркестан и, таким образом, они неотвратимо приближались к владениям России в Средней Азии, что привело даже к решению о формальном разделе сферы их колониального влияния на Памире в 1872–1873 годах. В переговорах с английской стороны участвовал Дуглас Форсайт, который, в частности, пытался доказать

¹⁵Подробнее об этом: Kim Hodong, *Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877*. Stanford University Press (March 2004). Boulger Demetrius Charles *The Life of Yakoob Beg, Athalik Ghazi and Badaulet, Ameer of Kashgar*. (London: W. H. Allen, 1878).

¹⁶См.: Forsyth Sir T.D. *Memorandum on Trade with Central Asia*. (Calcutta, 1870); Forsyth Sir T.D. *Report of a Mission to Yarkand in 1873*. (Calcutta, 1875). Подлинный отчёт Дугласа Форсайта хранится в Библиотеке и рукописях Правления – India Office Library and Records (IOLR/) Британской библиотеки в Лондоне: IOLR. MSS. Eur. F.111/115: Printed official correspondence respecting Central Asia, 1871–1888... Mr. Forsyth's Report, dated 2nd December 1870.

российскому министру иностранных дел, князю А. М. Горчакову (1798–1883) необходимость официального признания правительством Российской империи государства Йеттишар и его главы Якуб Бека. На это Форсайт получил решительный отказ, сводившийся к тому, что, *этот правитель [Якуб Бек] смог установить свою власть defacto, Россия имеет договоры с Китаем и не может вступить в дипломатические отношения с удачливым инсургентом против власти китайского императора.*¹⁷ В то же время Горчаков заверил английского посла, Сэра А. Бьюкенена, что *Аталику Гази нет оснований опасаться России, но российское правительство не имеет отношений с ним, а так как правительство Индии, судя по всему, ведёт с ним какие-то дела, Вы можете уверить его официально, от моего имени, что Россия не имеет враждебных намерений по отношению к нему или какого-либо желания заниматься завоеваниями на его территории. Мы также посоветовали бы Аталику Гази воздержаться от вмешательства в политические дела и ссоры соседних государств.*¹⁸ После долгих дискуссий, русское правительство приняло, или скорее *не отказалось признать*, английскую линию демаркации условной границы, которая *отдавала Бадахшан и Вахан эмиру Кабула.*¹⁹

Хотя, с точки зрения международного права такое соглашение не имело практически никакой юридической силы, оно привело к определенным рамкам, сдерживавшим прямое столкновение двух держав.

¹⁷АВПРИ, ИДА. Фонд 701. Опись 1. № 44. Лист 6.

¹⁸IOLR. MSS. Eur. F.111/115: Printed official correspondence respecting Central Asia, 1871–1888... Mr. Forsyth's Report, dated 2nd December 1870. Sheets 105–105 back side.

¹⁹АВПРИ, ИДА. Фонд 701. Опись 1. № 67. Лист 3. См. также: IOLR. MSS. Eur. F.111/144: Correspondence with Russia respecting Central Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873. Sheet 15: Letter from St. Petersburg, 19/15 January, 1873.

С другой стороны, в борьбе за Памир, англичане пытались побудить цинские власти захватить не принадлежавшие им ранее памирские княжества с тем, чтобы создать перед русскими заслон в их продвижении в направлении Индии.²⁰ Впервые эта идея была высказана Чарльзом Меткальфом Макгрегором (Charles Metcalfe Mac Gregor) (1840–1887) – генерал-квартирмейстером и начальником разведки индо-британской армии в его конфиденциальном труде *Оборона Индии*, изданном в 1884 году тиражом 100 экземпляров.²¹ Книга распространялась исключительно среди высшего руководства Британской империи. В этой работе, ставшей поистине Библией британских русофобов, снова активно муссируется вопрос опасности для британских владений Индии со стороны России и предложен развернутый стратегический план завоевания Британией среднеазиатских владений Российской империи. В заключительных строках своей книги Макгрегор заявил: *Я торжественно свидетельствую свое убеждение в том, что никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса, доколе Россия не будет выбита из Кавказа и из Туркестана* [выделено Макгрегором].

²⁰Детали этой сложной, почти детективной истории, изложены в наших работах, см., например: Постников А.В. *Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): Монография в документах.* (М.: Памятники исторической мысли, 2001); Публикация в Интернете (МЦР, 2012): <http://www.icr.su/upload/Postnikov.pdf>; Постников А. В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896). *Acta Slavica Japonica*. Т. XVII. (Sapporo: The Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000): 33–99; Postnikov, Alexei V. Cartography and Boundary-Making on the Pamir (Eighteenth and Nineteenth Centuries) *Terrae Incognitae*. Vol. 30. (1998): 72–91.

²¹Mac Gregor, Gen. Sir Charles Metcalfe. *The Defense of India*. (Simla, 1884).

Откровения Макгрегора, шедшие не только вразрез деклариовавшегося в то время дружелюбия Британии к России, но нарушавшие общепринятые правила дипломатического этикета, очень скоро стали известны высшему руководству России: благодаря оперативным действиям военной разведки, через месяц после выхода в свет один экземпляр этого антироссийского опуса лег на стол императора Александра III. Реакция русской стороны была мгновенной и предсказуемо возмущенной. Английскому внешнеполитическому ведомству пришлось в ответ на жесткие ноты МИДа России неубедительно пытаться доказывать, что труд Макгрегора был его частной инициативой и не отражал официальной позиции британского кабинета. Властям обеих стран было очевидно, что в этой «партии» Большой Игры победа досталась России. Макгрегор попал в немилость и в ноябре 1885 году был отправлен в действующую армию командовать Пенджабскими пограничными войсками. В 1891 году его книга была переведена на русский язык и издана под грифом «Секретно» Военно-учёным комитетом Главного штаба в Санкт-Петербурге.²²

Дерзкие проекты Чарльза Меткальфа Макгрегора очень импонировали молодым и честолюбивым офицерам британской колониальной армии в Индии, из которых весьма проявил себя на поприще Большой Игры Фрэнсис Янгхазбэнд (1863–1942). Лейтенант Янгхазбэнд был прикомандирован к Разведывательному департаменту в мае 1885 года, когда его начальником ещё был Макгрегор. В дальнейшем Янгхазбэнд, детально изучивший секретные материалы департамента по геополитике в Центральной Азии и, как он

²²Серия: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуски 43 и 44 – Мак-Грегор Ч. *Оборона Индии*. Ч. 1 (СПб.: Военная типография, 1891). – 278 с.; Мак-Грегор Ч. *Оборона Индии*. Ч. 2 (СПб.: Военная типография, 1891). – 224 с.

сам позже писал, выучивший книгу Чарльза Макгрегора почти наизусть, стал верным и последовательным проводником сформулированной в этой книге политики его кумира в отношении России,²³ в частности в конце 1880-х гг. усилиями Янгхасбенда при поддержке лорда Кёрзона (1859–1925), вопреки англо-русским соглашениям 1873 г., была предпринята попытка претворить в жизнь план раздела Памирской горной системы между Афганистаном и Китаем и лишь благодаря активным действиям Б. Л. Громбчевского (1855–1926) и М. Е. Ионова (1846 – после 1919) эта попытка провалилась.

Особым, и до сих пор недостаточно изученным сюжетом истории Большой Игры является активное сопротивление Великобритании расширению российских владений на Кавказе и в Закавказье. В частности, ждут своего исследователя материалы английской разведки, сохранившиеся в Департаменте восточных рукописей и книг Британской библиотеки (ранее – Библиотека и Архив Правления Индии), с которыми мы имели возможность бегло ознакомиться в 1980-х годах. Эти материалы однозначно свидетельствуют о значительной материальной поддержке англичанами и турками борьбы Шамиля²⁴ с Россией

²³ French, Patrick. *Younghusband: The Last Great Imperial Adventure*. (London: Harper Collins Publishers, 1994): 37.

²⁴Шамиль (авар. Шамил; 26 июня [7 июля] 1797, Гимры, ныне Унцукульский район, [Западный Дагестан] – 4 [16] февраля 1871, Медина [ныне Саудовская Аравия]) – Суфийский шейх Накшу бандийского тариката, предводитель восточных кавказских горцев, в 1834 признанный имамом теократического государства – Северо-Кавказский имамат, в котором объединил горцев Западного Дагестана и Чечни. Опираясь на учение ислама о газавате, трактуемом в духе войны с неверными, он старался объединить разрозненные общины Дагестана и Чечни на почве ислама. Накануне Крымской войны 1853–1856 годов Шамиль в расчете на помощь Великобритании и Турции активизировал свои действия, но потерпел неудачу. 25 августа 1859 года Шамиль вместе с 400 сподвиж-

в 1834–1859 гг.²⁵ Для англичан поддержка горцев Северного Кавказа была особенно важна для отвлечения боевых ресурсов России, особенно в период Крымской войны 1853–1856 гг., явившейся единственным примером перерастания

никами был осаждён в Гунибе и 26 августа (по новому стилю – 7 сентября) сдался в плен на почётных для него условиях. 15 сентября в Чугуеве происходит первая встреча Шамиля и императора Александра II; после приёма Шамилю была отведена для жительства Калуга, куда он прибыл 10 октября, 5 января 1860 года в ту же прибывает его семья. 29 июля 1861 года в Царском Селе происходит вторая встреча Шамиля с императором. 26 августа 1866 года в парадной зале Калужского губернского дворянского собрания Шамиль вместе с сыновьями Гази-Магомедом и Магомедом-Шапи принес присягу на верноподданство России. В том же году Шамиль был гостем на свадьбе цесаревича Александра, тогда же происходит третья встреча с императором. 30 августа 1869 года Высочайшим Указом Шамиль был возведён в потомственное дворянство. В 1868 году, зная, что Шамиль уже немолод и калужский климат плохо сказывается на его здоровье, император перевёл его в Киев. 16 февраля 1869 года Александр II разрешил ему выехать в Мекку для паломничества. 12 мая Шамиль с семьёй выехал из Киева. 19 мая – прибыл в Стамбул. 16 ноября – принял участие в открытии навигации на Суэцком канале. 20 ноября – прибыл в Мекку. В конце марта 1870 года, после совершения хаджа, Шамиль посетил Медину, где и скончался 4(16) февраля 1871 года. Похоронен в Медине на кладбище аль-Баки (ныне Саудовская Аравия). Подробнее, см.: Халилов А. М., Идрисов М. М. *Шамиль в истории Северного Кавказа и народной памяти*. (Махачкала, 1998); Халилов А. М. *Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля*. (Махачкала: Дагучпедгиз, 1991).

²⁵За рубежом историки, несмотря на значительное внимание к кавказским войнам России, связи Шамиля с англичанами и турками практически не исследуют. Имеются лишь документальные ссылки на письма Шамиля английской королеве и турецкому султану с просьбами о помощи в его борьбе с Россией, см., например: Gould, Rebecca. «Imam Shamil (1797–1871)» *RUS SIA'S People of Empire: Life stories from Eurasia, 1500 to the present*. Edited by Stephen M. Norris and Willard Sunderland. (Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2012): 117–128; references 14, 15.

«холодной войны» XIX века в широкомасштабный вооруженный конфликт англо-французской коалиции (поддерживавшей Турцию) с Российской империей.

Завершение Крымской и Кавказской войн ни в коей мере не ослабило накала «Большой Игры», причём не только в Центральной Азии, но и в бассейне Тихого океана, где Россия поддержала Северные Штаты Америки в гражданской войне с Конфедерацией Южных Штатов (1861–1865 гг.) за сохранение единства страны и отмену рабовладения. Поддержка России укрепила международные позиции правительства Авраама Линкольна. Россия была заинтересована в существовании единых Соединённых Штатов, противостоящих Великобритании и Франции, которые в тот период были её основными соперниками. Прибытие в сентябре – октябре 1863 года двух русских эскадр (в Нью-Йорк и в Сан-Франциско) было воспринято в США и в западноевропейских странах, как дружественная демонстрация по отношению к правительству Линкольна.²⁶

С течением времени получили развитие иные формы «Большой Игры», основанные на осознании невозможности победить в открытой борьбе нашу могущественную евразийскую державу. Недруги России взяли курс на создание в общественном сознании ложного образа нашего государства а также стали активно поддерживать любые политические движения, действия которых способствовали ослаблению и разрушению российской государственности.

Англичане внимательно следили за освоением русскими сибирских просторов и не только сами стремились побывать в этих странах, неведомых в прошлом европейцам,

²⁶Малкин М. М. *Гражданская война в США и царская Россия*. (М.-Л., 1939); Маль К. М. *Гражданская война в США 1861–1865*. – М.: АСТ. (Минск: Харвест, 2002); Davies W. C. *The Imperial Union: 1861–1865*. Volumes 1–3. (Garden City, 1982–1986); Mc Pherson G. M. *Battle Cry of Freedom. The Civil War Era*. (New York, 1988).

но переводили незамедлительно труды других путешественников по восточным окраинам Российской Империи, особенно если эти работы представляли Россию в неблагоприятном свете. Так, в 1780 году был переведён труд адъюнкт-астронома Французской академии Жана д'Отроша Шаппа (L'Abbé Chappe D'Auteroche) (1722–1769).²⁷ Шапп побывал в Сибири в 1761 году для наблюдения в Тобольске прохождения Венеры через диск Солнца.

После возвращения на родину аббат шесть лет писал своё произведение, которое вышло в свет в 1768 году под названием *Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году*. В книге, весьма субъективно, описаны обычаи и традиции русских, охарактеризовано состояние государственных дел Империи. Для создания этого труда Шапп д'Отрош использовал свои дневники, дополняя собственные наблюдения сведениями из других источников и статистическими таблицами. В итоге труд получился огромным и состоял из двух томов, первый из которых разделён на две части, а второй представляет собой перевод на французский язык сочинения С. П. Крашенинникова *Описание земли Камчатки...* Значительное внимание в своём труде Шапп уделял этнографическим и естественнонаучным описаниям, рассказывая о крестьянской одежде, избах, описывая сани, бани, праздники и богослужения, застолья и посты, нравы и обычаи, суеверия, наказания дыбой и кнутом. Книга, наполненная неизвестными европейскому читателю фактами, вызвала во

²⁷ CHAPPE D'AUTEROCHE, Jean. [Voyage en Sibérie.] A Journey into Siberia made by order of the King of France by M. L'Abbé Chappe D'Auteroche, of the Royal Academy of Science at Paris, in 1761. Containing an Account of the Manners and Customs of the Russians, the Present State of their Empire; with the Natural History, and Geographical Description of their Country, and Level of the Road from Paris to Tobolsky. Translated from the French, with a preface by the translator. [Abridged.] London: Printed for T. Jefferys, Geographer to the King, 1770), pp. xiii. 395. pl. IX.Y

Франции и Англии огромный интерес. Однако, несмотря на этот успех, даже во Франции она была принята неоднозначно. Философы, и, прежде всего члены Академии, разошлись во мнении. Явная антирусская направленность и враждебность вызвали раздражение таких деятелей французского Просвещения, как Дидро и Гримм. В России же на этот труд была опубликована обстоятельная критика. Так, М.В. Ломоносов ещё за четыре года до выхода в свет *Путешествия в Россию* называл аббата *недоброхотом России*, как бы предвосхищая содержание его труда. В книге Шаппа неоднократно подчёркивается отсталость России, превосходство Европы, несправедливо осуждается русский народный характер и нравы. В заведомо предвзятой позиции французского автора не последнюю роль сыграл по-видимому тот факт, что он был членом ордена иезуитов, никогда не отличавшегося терпимостью к Православию и России.

Болезненнее всего на публикацию *Путешествия в Сибирь* отреагировала Екатерина II, которая не пожалела усилий на детальный критический разбор труда д'Отроша. В 1770 году в Амстердаме вышла объёмистая, состоящая из двух частей книга под названием *Антидот* и следующим пояснением: *Разбор дурной, но великолепно напечатанной книги под заглавием «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761»*.²⁸ Книга вышла без имени сочинителя, но её авторство сразу было приписано Екатерине II, хотя, скорее всего она была написана графом Андреем Петровичем

²⁸*Antidote, ou examen du Mauvais livre intitulé: Voyage en Sibirie fait en 1761*. Amsterdam, 1772. Английское издание: *The Antidote; or, an Enquiry into the merits of a book, entitled A Journey into Siberia, made in MDCCLXI ... by the Abbé Chapped'Aueroche ... In which many essential errors ... are pointed out, and confuted, and many interesting anecdotes added ... By a Lover of Truth [Catharine II., Empress of Russia]. Translated into English by a Lady. [The translator's dedication signed: An English woman.]* (London: S. Leacroft, 1772).

Шуваловым (1742–1789 гг.), по поручению и при участии императрицы. В книге шаг за шагом авторы опровергают суждения Шаппа.

К труду французского аббата был приложен атлас, факсимильное издание которого недавно опубликовано в России.²⁹

В XIX веке, особенно после восстания декабристов, в Англии становится весьма популярной тема сибирской каторги и ссылки. Ни в коей мере не отрицая порочности и жестокости существовавшей тогда в Российской империи практики наказания уголовных и политических преступников путем ссылки на каторгу и поселение в суровых сибирских условиях, заметим, что даже по свидетельству большинства англичан, посещавших сибирские тюрьмы и рудники, содержание там арестантов и поселенцев мало отличалось от жизни английских преступников в тюрьмах Англии и её колоний. Существенным отличием было то, что западные «игроки» Большой Игры в течение всего XIX века ощущали всё большую и большую поддержку своих жестких обвинений в адрес имперской системы наказаний за преступления со стороны российских революционеро-эмигрантов, некоторые из которых никогда не были в Сибири, но уверенно разоблачали жестокую несправедливость властей своей страны по отношению к тем, кто, по сути дела, были государственными преступниками. Наиболее ярким примером такой позиции были труды весьма незаурядного исследователя Джорджа Кеннана, который, стал основателем того направления политической мысли и деятельности, которое в период холодной войны XX века получило назва-

²⁹Шапп д'Отрош Ж. *Атлас к путешествию в Сибирь* = *Chapre d'Auteroche Jean. Atlas au Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roien 1761.* – Факсимильное издание 1769 г. (СПб.: Альфарет, 2008). См.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Шапп,_Жан_д'Отрош](http://ru.wikipedia.org/wiki/Шапп,_Жан_д'Отрош).

ние советологии. Впервые Джордж Кеннан (1845–1924 гг.) побывал в Сибири во время изысканий для прокладки телеграфного кабеля по дну Берингова пролива для соединения Северной Америки с Евразией (1863–1867 гг.).³⁰ Его книга *Tent Life in Siberia...* [*Палаточная жизнь в Сибири...*] публиковалась много раз и сделала его в Соединенных Штатах на многие годы главным экспертом по России, Сибири и их туземцам.³¹

Мнение Джорджа Кеннана о России в тот период было весьма высоким и, в частности, он отмечал очень гармоничное сосуществование русских с сибирскими племенами. Впоследствии, Джордж Кеннан неоднократно возвращался в Россию, посетив, в частности, Кавказ (в 1870 году)³² и его оценки нашей страны и её властей сильно изменились

³⁰Проект не был завершён, но изыскания, связанные с ним дали ценные материалы по природе и населению Аляски и Северо-Востока России от Чукотки до Амура. Подробнее об истории проекта и связанных с ним исследований см., в частности: Постников А. В., Константинов М. В. Международный телеграф. Малая энциклопедия Забайкалья: Международные связи / Главный редактор Р. Ф. Гениатулин. (Новосибирск: Наука, 2012): 393–394; Postnikov, Alexey V. The Sale of Alaska and the International Expedition to Effect Telegraph Link between North America and Europe via Siberia. ARCHIVES INTERNATIONALES D' HISTOIRE DES SCIENCES. Estratto dal n. 149. Vol. 52/2002. – Institut della Enciclopedia Italiana, Fondatore Giovanni Treccani, 2002. – P. 237–276. Постников А. В. Продажа Аляски и Международная телеграфная экспедиция. *Вопросы истории естествознания и техники*. № 1. (1997): 3–38.

³¹Kennan, George. *Tent Life in Siberia and Adventures among the Koraks and other tribes in Kamchatka and Northern Asia* by George Kennan (New York: G.P. Putnam & Sons; London: S. Low, Son & Marston, 1871), 425 pages.

³²Дневник и его путешествия по Грузии и Чечне были опубликованы в 2003 году, см.: *Vagabond Life: The Caucasus Journals of George Kennan*, edited with an introduction and afterword by Frith Maier; with contributions by Daniel C. Waugh. (Seattle, Washington: University of Washington Press, 2003). xvi + 266 pp., maps.

в отрицательную сторону. В 1885–1886 гг. вместе с художником из Бостона Д. Фростом он совершил поездку по Сибири с особым вниманием к системе наказаний. Следуя по Сибирскому тракту, посещал тюрьмы, этапы, места ссылки. Он побывал в Троицкосавске (Кяхте), Чите, Нерчинске, Сретенске. Посетил Нерчинскую каторгу, осмотрел тюрьмы, рудники и прииски Акатуя, Алгачей, Кадаи, Горного Зерентуя, Кары. Познакомился со многими политическими заключёнными, в том числе с Е. К. Брешко-Брешковской (1844–1934 гг.).³³

³³Брешко-Брешковская (урождённая Вериго) Екатерина Константиновна (1844, с. Иваново Витебской губ. – 1934, с. Хвалы-Почернице, под Прагой) – одна из организаторов и лидеров партии эсеров. Родилась в богатой помещичьей семье. Детство и юность Брешко-Брешковской прошли в большом имении Луговец Черниговской губ. Она получила хорошее домашнее образование и с благодарностью вспоминала родителей, давших ей «доброе и разумное воспитание». Христианское учение, воспринятое Брешко-Брешковской всем сердцем, и крепостное право не уживались в ее сознании: «Впечатления народного горя так крепко запали в мою детскую душу, что потом они не покидали меня уже всю жизнь». Она посвятила себя работе в деревне, в земстве. Десять лет Брешко-Брешковская трудилась в крестьянской школе, которую сама основала, организовала ссудо-сберегательные кассы, артели, общества взаимопомощи. Местные дворяне обвинили Брешко-Брешковскую в противоправительственной пропаганде. Школа и крестьянские кассы были закрыты. Потеряв возможность легальной деятельности, она решила действовать нелегально. Брешко-Брешковская оставила мужа и ребенка, чтобы, как она написала в автобиографии, «работать на пользу дорогого мне народа». В 1873 вошла в кружок «чайковцев» и участвовала в «хождении в народ». В 1874 Брешко-Брешковская была арестована, после 3-летнего заключения на «Процессе 193-х» была приговорена «к 5 годам заводских работ» и на Карийской каторге стала первой женщиной-политкаторжанкой. Неудачно бежала с поселения, за что была приговорена к 4 годам каторги и 40 плетям, которые, однако, не решились применить. В 1882 после годичного тюремного заключения снова была отправлена на Кару. В 1885–1893 находилась на поселении в Забайкалье. В 1896 по амнистии вернулась в европейскую часть России

Собранные материалы нашли отражение в его очерках, опубликованных в *Century Magazin* и в книге «Сибирь и ссылка», которая впервые была издана в 1891 году в США и Англии. Эта книга за короткое время была опубликована практически на всех европейских языках и позже неоднократно переиздавалась. Даже в России она издавалась в 1905–1907 годах девять раз. Книгу называли «библией революционеров». Вернувшись в США в 1887 году, Джордж Кеннан активно печатался в общественно-политических журналах, критикуя в статьях царское правительство и про-

и вскоре, перейдя на нелегальное положение, вместе с Г. А. Гершуни стала одним из организаторов партии социалистов-революционеров. В 1903 Брешко-Брешковская эмигрировала в Женеву, где работала вместе с Н. В. Чайковским и В. М. Черновым. Ездил в США для сбора денег на нужды партии. В 1905, узнав о революции, вернулась в Россию и через два года была выдана полиции Е. Ф. Азефом. Почти три года находилась в Петропавловской крепости, потом была сослана в Сибирь, в Нижне-Илимск, а оттуда еще дальше – в Киренск. Пыталась бежать, но неудачно, и в 1914 она была отправлена в Якутск, а затем – в Иркутск и Минусинск. Была освобождена Февральской революцией 1917. К Брешко-Брешковской, именуемой «бабушкой русской революции», пришли члены Минусинской городской думы выразить свое почтение. Для возвращения в Москву ей был предоставлен специальный вагон. Из Петербурга Брешко-Брешковская ездила по стране и призывала интеллигенцию работать для народа: «Тот истинно верующий, истинно праведный, кто в жизни поступает по завету Христа». Поддерживала Временное правительство и выступала за войну до победного конца с Германией. Выступала против большевиков и разжигания ими классово-розыжной розни. Вышла из ЦК партии эсеров, когда съезд партии лишил доверия А. Ф. Керенского, по утверждению Брешко-Брешковской, «гражданина, своим решительным и мужественным словом и образом действий спасшего Россию». Брешко-Брешковская была избрана членом Учредительного собрания. Октябрьскую революцию не приняла. В 1918 участвовала в работе Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре. В 1919 эмигрировала в США, затем во Францию; с 1924 жила в Чехословакии. Использованы материалы кн.: Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997.

славля революционеров. Кеннан выступал с многочисленными платными публичными лекциями в США и Англии. Прямым результатом его деятельности стало возникновение в начале 1890-х годов в США и Англии движения за «свободную Россию». Являлся членом организации «Общества американских друзей русской свободы», созданного в 1891 году, Кеннан поддерживал активную переписку с русскими политэмигрантами, в том числе с князем П. А. Кропоткиным (1842–1921). В июле 1901 года он снова приехал в Россию, но через несколько недель был выслан из страны. После начала Русско-Японской войны вновь предпринял попытку попасть в Россию, но получил отказ её официальных властей. В 1904–1905 годах работал военным корреспондентом в Японии, Корее и Китае. В ноябре-декабре 1905 года Кеннан находился под Порт-Артуром в японской армии. Одной из последних его крупных работ о России стала книга «Русская комедия ошибок» (1915). Решительная поддержка Кеннаном русских революционеров и осуждение политики официальных властей Империи весьма контрастировали с мнениями большинства других иностранных путешественников, посещавших нашу страну, и обеспечили ему в дальнейшем ведущее место в рядах недоброхотов России, которые и после революции 1917 года, вкормившей социальную структуру и идеологию власти, продолжили с ней борьбу в форме «советологии», одним из главных центров которой стал Институт Джорджа Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона в Вашингтоне (США, Дистрикт Колумбия).³⁴ Даже некоторые

³⁴Подробнее о Джордже Кеннани и оценках его деятельности см.: Travis F. F. George Kennan-Russel Anti-Tzarist Propaganda Campaign among Russian Prisoners of War in Japan, 1904–1905. *Russian Review*. Vol. 40. № 3. (1981): 263–277; Кеннан Дж. Как велось просвещение русских солдат в Японии. *Каторга и ссылка* № 2 (31). (1927): 158–165; Нечипорук Д. М. Американское общество друзей русской свободы. Автореферат

современные американские исследователи весьма критически оценивают активную антирусскую деятельность Джорджа Кеннана. Для иллюстрации такой позиции приводим следующее суждение биографа Кеннана, профессора Фредерика Ф. Трэвиса: *Кеннан в его журналистике изучал Россию мало и сделал много ошибок (включая намеренные), и, тем не менее, его авторитет в Соединенных Штатах был непоколебим. Кеннан представлял картину России, которая в большей степени была проекцией характерных американских надежд, фантазий и страхов эпохи восторженной самоуверенности, чем продуктом добытого большим трудом знания. Его авторитет был основан на его собственных наблюдениях, хотя они [эти наблюдения] были в наибольшей степени сконцентрированы на экзотике. Этот человек был «подслеповат». Он симпатизировал, главным образом политическим заключенным, которые представляли собой лишь малую часть тех, кто составлял массу заключенных обширной российской системы наказания и ссылки. Насколько нам известно, он, для сравнения, никогда не посещал тюрем за пределами России. Он путал политических ссыльных в Восточной Сибири с административными ссыльными³⁵ в Западной Сибири, а иногда вводил свою ауди-*

диссертации (2009); Laserson M. *The American Impact on Russia, Diplomatic and Ideological, 1784–1917*. (N.Y., 1950); Stulls T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s *Russian Review*. Vol. 29. № 3. (1970); 275-285; Travis F.F. *George Kennan and the American-Russian Relationships, 1865-1924*. (Athens, 1990); Меламед Е. И. *Джордж Кеннан против царизма*. (М., 1981); Карпачев М. Д., Логунова Т. В. Американский публицист Дж. Кеннан о революционном движении в России. *История СССР*. №5. (1988): 189–199; Константинов А. В., Постников А. В. Кеннан Джордж. *Малая энциклопедия Забайкалья: международные связи* (Новосибирск, 2012).

³⁵(Англ. administrative exile) – в Российской империи удаление во внесудебном порядке обычно в отдаленные губернии лиц, характер деятельности которых не соответствовал законодательству и др.

*торию в заблуждение другими способами для драматизации своей позиции. Кеннан никогда не изучал глубоко точки зрения русских, служивших внутри системы, от которых он мог бы получить помощь и узнать многое.*³⁶

В российской эмиграции взгляды Кеннана явно поддерживались. Об этом свидетельствует, в частности, В. И. Вернадский, посетивший в августе 1913 года Канаду и США, в связи с участием в XII Международном геологическом конгрессе. В одном из писем к русскому минералогу и геохимику А. И. Ферсману, делясь своими впечатлениями об уви-

Система А.с. формировалась с XVII в. В XVIII в. ссылка служила средством пресечения политического противодействия властям. Основаниями А.с. являлись распоряжения царя, губернаторов, приговоры крестьянских и др. обществ, распоряжения помещиков. В XIX в. А.с. осуществлялась на основании Высочайших повелений, в 1881 г. она получает законодательное закрепление в Положении о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия (14.08.1881 г.). Порядок отправки в А.с. и правовое положение административных ссыльных определялись в Положении о полицейском надзоре (12.03.1882 г.) и др. Срок А.с. устанавливался от 1 года до 5 лет, с 1887 г. по окончании срока она могла быть продлена до 10 лет. См.: http://jurisprudence.academic.ru/101/административная_ссылка.

³⁶Kennan studied Russia little and made many mistakes (including deliberate ones) in his journalism, and yet his authority was unchallenged in the United States. Kennan presented a picture of Russia that was more a projection of characteristic American hopes, fantasies, and fears in an era of exuberant self-confidence than the product of hard-earned knowledge. His authority was based on firsthand observations, though they were largely focused on the exotic. There was blindness in the man. He was sympathetic chiefly to political prisoners, who represented a minute fraction of those in Russia's vast penal and exile system. As far as we know, he never visited any prison outside Russia for comparative purposes. He confused political exiles in East Siberia with administrative exiles in West Siberia, and at times he misled his audiences in other ways to dramatize his cause. Kennan never probed deeply into the views of Russians working within the system, whom he could have helped and learned from. Cited from: Travis, Frederick F. *George Kennan and the American-Russian Relationship: 1865-1924*, (Athens: Ohio University Press, 1990), xix, 433 p.; ill..

денном, он сообщил ему о поразившем его обилии канадцев и американцев русского происхождения. *Именно здесь на месте, – писал он, – чувствуешь, какую огромную силу потеряла и теряет Россия в этой эмиграции, и она идёт на рост Нового Света, во многом нам недружного. Я не могу здесь забыть и о той ошибке (и преступлении ?), которые сделали правительства Николая I и Александра II, отдав Русскую Америку, добытую народным страданием.*³⁷

Эмигранты с территории Российской империи и СССР стали, в известной мере, «питательной средой» формирования центров подготовки «бойцов» нового этапа Большой Игры через исследовательские организации, специализировавшиеся на СССР и странах Восточной Европы, которые получили интенсивное развитие и финансирование, особенно после Победы советского народа в Великой отечественной войне. Следует подчеркнуть, что большинство из этих центров отличается весьма высоким уровнем сотрудников (постоянных и приглашаемых на основании международных конкурсов стипендиатов) и проводимых ими научных исследований, о чём свидетельствуют как многочисленные публикации, так и бесспорные геополитические успехи западных стран на новом этапе Большой Игры. Конечно самым ярким и горьким для нашей Родины успехом Запада был развал СССР в 1991 году, вернувший страну в границы XVII века и трактуемый некоторыми западными геополитиками как победа в «Холодной войне». Всестороннее рассмотрение историографии, связанной с деятельностью славянских и евразийских центров в рамках одной статьи абсолютно невозможно, поэтому мы ограничимся рассмотрением двух примеров, представляющихся нам весьма репрезентативными и актуальными.

³⁷Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману / Академия наук СССР, Архив АН СССР; сост. Н. В. Филиппова. (Москва: Наука, 1985): 61.

Итак, первый пример касается Сибири и Дальнего Востока.

Один из членов-основателей более десяти лет ежегодно собирающегося в России «Валдайского форума» иностранных политологов и журналистов, профессор, доктор Марк Бассин, специалист по истории географии и геополитики России и Германии, много своих исследований посвятил истории присоединения Сибири и Дальнего Востока к Российской империи.³⁸

Размышлениям над вопросом «Следовало ли Российской империи присоединять к своим владениям Приамурье и Приморье?» посвящена его фундаментальная монография, обобщающая все предшествующие исследования этого известного американского историко-географа.³⁹ Позволю себе остановиться на анализе этого труда несколько подробнее, так как выводы его автора во многом созвучны заявлениям и чаяниям некоторых современных (особенно американских) политиков.

³⁸См.: Bassin, Mark. The Russian Geographical Society, the “Amur Epoch”, and the Great Siberian Expedition 1855–1863. *Annals of the Association of the American Geographers*. 73:2. (1983): 240–256; Bassin, Mark. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia. *Journal of Historical Geography*. 14:1. (1988): 3–21; Bassin, Mark. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century. *American Historical Review*. 96:3. June, (1991): 763–794; Bassin, Mark. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space. *Slavic Review*. 50:1. Spring, (1991): 1–17; Bassin, Mark. Turner, Solov’ev, and the “Frontier Hypothesis”: The Nationalist Signification of Open Space. *Journal of Modern History*. 65. September, (1993): 473–511

³⁹Bassin Mark. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. (Cambridge Studies in Historical Geography, number 29.) (New York: Cambridge University Press. 1999).

Как совершенно справедливо отмечено профессором Калифорнийского университета Н.В. Рязановским во вступительном слове к книге, Марк Бассин удачно сочетает в своём творчестве квалификацию географа и «интеллектуального историка», т.е. историка, изучающего развитие природы и структуры идей в общественной мысли.

В центре изысканий Марка Бассина – глубокий анализ евразийской теории и её влияния на географические исследования и геополитику России, сравнительное изучение характера американской колонизации Запада и российского продвижения на Восток, а также своеобразия границ двух империй. Марк Бассин уделяет значительное внимание влиянию борьбы славянофилов и западников на формирование в общественном мнении России взглядов на приоритеты в развитии географических исследований и расширение государственной территории империи.

Основной задачей своей книги Марк Бассин видит не повествование о присоединении Приамурья Россией, а исследование «географического видения» для того, чтобы реконструировать и проанализировать «образы» Дальнего Востока, через которые русские его воспринимали и оценивали. При этом исходным для него было предположение, что анализ видения (образа) отдаленного и малоизвестного региона может предоставить исследователю возможность проникнуть в сознание и культуру отдельных личностей, групп и сообществ, которые это видение разделяли. Другими словами, по мнению Бассина, «изучение того, как общество осознаёт, обдумывает и оценивает незнакомое место, является плодотворным путём исследования того, как общество или его части осознают, осмысливают и оценивают самих себя».⁴⁰

⁴⁰ Bassin Mark. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. (Cambridge Stud-

Монография Марка Бассина *Имперские грёзы...* убедительно демонстрирует фундаментальную важность «географического воображения» для менталитета Российской империи. Работа предлагает истинно новый взгляд на сложные и многоплановые взаимоотношения между русским национальным самосознанием, пониманием «предопределённой судьбой» положения народа в географическом пространстве (или «географической идентификации») и расширением государственной территории.

Не случаен выбор периода в истории географических исследований и расширения владений Российской Империи в Сибири и на Дальнем Востоке – 1840–1865 гг., когда, по сути дела решался геополитический вопрос исключительной важности: следует ли сохранять и консолидировать заокеанские владения России в Северной Америке или, расставшись с Русской Америкой, заняться укреплением своего положения евразийской сверхдержавы? Для решения последней задачи представлялось необходимым возвратить уступленные Китаю по условиям Нерчинского договора 1689 года земли в долине реки Амур и в дальнейшем сконцентрировать внимание на присоединении Приморья и среднеазиатских ханств вплоть до высокогорных массивов Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и Гиндукуша, отделявших их от Цинского Китая, Индии и Афганистана. Марк Бассин весьма убедительно показывает, что именно такой сценарий развития был предопределён евразийскими идеями славянофилов и «восточников», завоевавшими в то время умы и сердца российских интеллектуалов.

Основными источниками для американского историко-географа являлись российская публицистика, художественная, политическая литература и многочисленные работы

ies in Historical Geography, number 29.) (New York: Cambridge University Press. 1999): 274.

зарубежных учёных, в том числе русских эмигрантов и их потомков – Е. А. Адамова, П. В. Анненкова, А. В. Байкалова, Н. А. Бердяева, Г. И. Вернадского, Н. В. Рязановского, А. Е. Преснякова, В. Н. Пономарёва, А. Малоземого, А. Лобанова-Ростовского, Г. В. Ланцева и других учёных, до сих пор недостаточно известных в России.

Естественно, что в книге Марка Бассина использован громадный массив как зарубежных исследований по проблеме, так и социально-политической литературы, включая труды Маркса, Энгельса, Бакунина, Троцкого и Ленина. Вывод профессора Бассина, по сути дела, сводится к тому, что возвращение Приамурья и присоединение Приморья были лишь воплощением «геополитических грёз» российской интеллигенции, но никак не логическим завершением процесса изучения и освоения этих территорий многими поколениями россиян. Такой вывод сделан американским советологом, не в малой степени потому, что он никогда не работал в архивах, почему его основными источниками были сочинения писателей и политиков, которые по самой своей сути субъективны, а не документальные архивные материалы, отображающие истинные побуждения властей и действия по их воплощению в жизнь, остававшиеся долгие годы недоступными для писателей и публичных политиков.

Второй пример пристального внимания зарубежных и, особенно, американских авторов касается такого, ставшего, казалось бы неожиданно, трагически актуальным региона нашей исторической Родины, как Украина.

Помимо практически всех зарубежных славянских исследовательских центров, в той или иной мере занимающихся украинской тематикой, наиболее фундаментальные исследования проводит основанный в июне 1973 года *Украинский исследовательский институт Гарвардского*

университета (The Ukrainian Research Institute of Harvard University).⁴¹

Типичным современным примером работы, находящейся в русле такого рода публикаций является монография американского исследователя Стивена Сигела *Картографируя Европейские Приграничья: Российская картография в эпоху империи*.⁴²

⁴¹Украинский научный институт Гарвардского университета (укр. Український науковий інститут Гарвардського університету) – научный институт при Гарвардском университете, в котором изучается история, культура, язык и политика Украины. Другие области исследования включают украинскую литературу, археологию, искусство и экономику. Украинский научный институт был основан в 1973 году в Кембридже Омельяном Прицаком и другими представителями украинской диаспоры. Он действует в качестве координационного центра для студентов и аспирантов, научных сотрудников и преподавателей, оказывая им помощь в исследованиях. До создания научного института его учредители проводили еженедельные семинары по украинистике. Эти семинары продолжаются и по сей день (с 2001 года под эгидой Гарвардской группы украинистики). Украинский научный институт поддерживает одну из самых больших коллекций украинских книг и других медиа на Западе, как непосредственно у себя, так и во многих библиотеках Гарварда. Научный институт также управляет Гарвардским украинским летним институтом, который предлагает летние курсы по различным темам, связанным с Украиной. Он также публикует журнал *Harvard Ukrainian Studies* (HUS) (основанный в 1977 году) и различные книжные издания по украинистике.

⁴²Seegel, Steven. *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*. (Chicago and London: University of Chicago Press, 2012). Об этой книге см., также: Steven Seegel's "Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire." Reviewed by Alexey V. Postnikov. *The AAG (Association of American Geographers) Review*. Volume 2, Issue 4. Fall, 2014. Pages 154–157; Постников А. В. Новая книга Стивена Сигела «Картографируя Европейские Приграничья: Российская картография в эпоху империи» – что это: труд по истории картографии, или политически ангажированная современной ситуацией история России, Польши, Литвы и Украины? Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: Годичная научная конференция – 2014. (М.: URSS, 2014): 502–506.

Стивен Сигел рассматривает проблемы формирования государств и наций в Восточной Европе через призму картографии и глазами картографов. Используя источники на 11 языках, включая военные, историко-образовательные и этнографические карты, а так же географические и картографические труды, Стивен Сигел исследует роль карт и картографов в Восточно-центральном Приграничье от периода Возрождения до Версальского договора 1919 года. Он старается объяснить важность карт для формирования идентичности и институтов государственности как в Польше, Украине и Литве, так и в России.

Автор, используя доводы и риторику известного американского историка картографии Брайна Харли,⁴³ полагает, что в приграничье восточно-центральной Европы, картография была способом регулирования и контроля, использовавшимся правительствами для завоевания и затем управления территориями. Таким образом, по его мнению, картография была инструментом имперского господства, с помощью которого государства структурировали наглядный контроль над определенными территориями через карты, энциклопедии и атласы.

Подчеркивая, что некоторые из функций карт необходимы для развития человеческого общества и экономики, Сти-

⁴³Джон Брайн Харли (John Brian Harley, 1932–1991) – выдающийся англо-американский историко-географ, оказавший значительное влияние на развитие истории картографии в США и Европе. Вместе с Дэвидом Вудвордом (1942–2004) он основал, продолжающийся до сих пор фундаментальный международный исследовательский и издательский проект – многотомную «Всемирную историю картографии», в осуществлении которого имеет честь принимать участие автор настоящей статьи. Сейчас, выполнение этого проекта близко к завершению: изданы с первого по четвертый том и близок к выпуску в свет шестой том, посвященные периодам с древних времен до конца XVIII века и XX столетию. Активно начата работа над пятым томом, в котором будет рассмотрена история картографии XIX века.

вен Сигел склонен видеть главную их роль в политической географии. Автор утверждает, что в любой топографической и тематической карте, составленной в этих пространствах борьбы и противостояния территориальные «воображения» и притязания на политическую истину конфликтовали.

По мнению Сигела, таксономии, основанные на классификациях расы и этничности, которые получили развитие до Первой мировой войны, показывали насколько карты предшествовали попыткам аннексии, государственным проектам управления территориями, и выдвигению геополитических притязаний на воображаемые границы «жизненного пространства» и/или «исторических земель».

Признавая практическую роль картографии, Стивен Сигел, однако, сосредоточивает своё внимание на политико-исторической картографии, служившей внедрению и пропаганде геополитических, национальных и националистических идей в странах западного приграничья Российской империи. Стивен Сигел рассматривает в своей книге следующие, не дожившие до нашего времени государственные образования: «Польско-Литовское содружество, или Республика двух наций – Польши и Литвы (1569–1795), состоявшее из Польского королевства и Великого княжества Литовского; Казацкий Гетманат (1654–1773); Российская Империя (1721–1917), которая поглотила Московию, Наполеоновское герцогство Варшавское (1807–1813), ‘Конгрессное’ Королевство Польское (1815–1831); Прусское королевство (1701–1918); Германская империя (1871–1918); Габсбургская монархия (1276–1918), которая правила Австрийской империей (1804–1867) и позднее Австро-Венгрией (1867–1918); многочисленные украинские правительства периода гражданской войны в России (1917–1921)».

При рассмотрении приведенного списка государственных образований, анализируемых в книге Стивена Сигела

сразу бросается в глаза два момента, явно свидетельствующие об определенной предвзятости автора. Первое и наиболее яркое это то, что в его списке не нашлось места для Киевской Руси (Древнерусского государства) (IX–XII вв.). Это государство (лишь бегло упомянутое Стивенем Сигелом в одном из примечаний), бесспорно являлось центром объединения восточных славян в лоне единой Православной веры и под властью династии Рюриковичей, правившей в Московии до конца XVI века; кровь Рюриковичей текла так же в жилах князей Галиции, которой Стивен Сигел уделяет очень большое внимание в своем труде. Заметим, что современная западная историография богата трудами, посвященными Киевской Руси, причём в ряду таких публикаций стоят широко использованные Стивенем Сигелом книги, а в качестве специальных исследований нужно упомянуть труды Жанет Мартин⁴⁴ и книги выдающихся русских историков-эмигрантов Дмитрия Оболенского⁴⁵ и Георгия Вернадского.⁴⁶ Второй исторический сюжет, о котором Стивен Сигел

⁴⁴Martin, Janet. *From Kiev to Muscovy: The Beginnings to 1450: A History.* (Oxford Press, 1997); Martin, Janet, *Medie val Russia 980–1584.* (Cambridge University Press, Cambridge, 1993).

⁴⁵Obolensky, Dimitri, *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453.* (London: Weidenfeld&Nicolson, 1971); Русское издание: Оболенский Д.Д. *Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов.* (М.: Янус-К, 1998). Князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1918–2001) – крупнейший современный славист, специалист по истории Византии и историк церкви. Яркий представитель старинного русского княжеского рода Оболенских. Его труды получили признание во всем мире; Почётный член Британской академии (с 1974 г., в 1983–1985 гг. – Вице-президент); Иностраный член Российской академии наук (1994).

⁴⁶Vernadsky, George. *Kievan Russia* (New Haven, 1976). Вернадский Г. В. *Киевская Русь.* Перевод с английского Е. П. Беренштайна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Под редакцией Николаева Б. А. (Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1996) Георгий Владимирович Вернад-

предпочитает умалчивать, или упоминать лишь вскользь, это «Великое княжество Литовское» и его тесная связь с Русью и славянским миром в целом. В этой связи заметим, что при всех сложностях военно-политических отношений Литвы с соседними русскими княжествами, полиэтничское Великое княжество Литовское имело с ними тесные династические, религиозные и культурные контакты. Изначально принявшая католицизм Литва, перешла в большей своей части к Православию. Делопроизводство в княжестве велось преимущественно на западнорусском письменном языке, образовавшемся в результате взаимодействия старославянского языка и местных элементов русинского языка.⁴⁷ На собственно литовском языке делопроизводство не велось. Материалы на западнорусском языке составляют абсолютное большинство официальных документов Великого княжества Литовского. Согласно литовским исследо-

ский (1887–1973) – русский и американский историк, евразиец, сын великого русского и советского естествоиспытателя академика Владимира Ивановича Вернадского. Выпускник Московского университета (1910), с сентября 1917 года приват-доцент и с января 1918 года – ординарный профессор кафедры русской истории Пермского университета. Эмигрировал из России в 1920 году он жил и работал в Константинополе, Афинах и затем в Праге, где преподавал в Русском юридическом факультете Карлова университета, совместно с Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким разрабатывал теорию евразийства, участвовал в семинаре «*Seminarium Kondakovianum*», названным в память об известном историке Византии Н. П. Кондакове. В 1927 году М. И. Ростовцев и Ф. Гольдер предложили Вернадскому стать научным сотрудником Йельского университета, которому требовался специалист по истории России. В 1946 году получил звание профессора русской истории того же университета; в 1956 году ушел на пенсию. Подробнее см.: Шилов А. В. Вернадский Георгий Владимирович *Профессора Пермского государственного университета: (1916–2001)*. Гл. ред.: В. В. Маланин (Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001): 24–25.

⁴⁷Детализм: Baranauskas, Tomas. *Lietuvos valsty bėsištakos*. (Vilnius: Vaga, 2000).

вателям, западнорусский письменный язык нельзя назвать государственным, так как он сохранял известную дистанцию по отношению к разговорным языкам. В связи с этим в литовской историографии западнорусский письменный язык называют канцелярским языком Великого княжества Литовского. В белорусской же историографии западнорусский письменный язык, называемый старобелорусским, являлся государственным языком, что не исключало использование в делопроизводстве других языков.⁴⁸ Современными исследователями также отмечается, что государственный статус западнорусского языка закреплён Статутами Великого княжества Литовского,⁴⁹ впервые опубликованными на Московском печатном дворе в 1588 году. Западнорусский письменный язык сохранял преобладающие позиции до середины XVII века, когда он был вытеснен из литовского делопроизводства польским языком, ставшим со временем и языком общения привилегированного сословия (шляхты). *Статут* упомянут Стивенем Сигелом, как первый свод законов Литвы, однако никаких деталей истории его создания и функционирования, изложенных нами, читатель в его книге не найдёт.

Основными источниками исследований Стивена Сигела были военные, историко-образовательные и этнографические карты, а так же географические сочинения и картографическая литература. Он проводил свои исследования главным образом в библиотеках, государственных архивах, му-

⁴⁸Журавский А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка *Восточнославянское и общее языкознание*. (М., 1978): 185–191.

⁴⁹Статут Великого княжества Литовского 1588 года гласит: «А пи-сарь земьскъй маеть поруску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвыписати а не иншимъ езыхомъ и словы». Роздел четвертый. Аргыкул 1 // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. (Минск, 1989).

зеях и частных коллекциях в Кэмбридже (штат Массачусетс, США), Кракове, Киеве, Львове, Милуоки (штат Висконсин, США), Москве, Санкт-Петербурге, Урбане-Шампэйн, Вене, Вильнюсе, Вашингтоне (Дистрикт Колумбия, США), Варшаве и Вроцлаве.

Стивен Сигел уделяет много внимания периоду Наполеоновского Княжества Варшавского и последовавшего после поражения Наполеона включения Королевства Польского в состав Российской империи в 1815 году, справедливо подчеркивая роль передачи европейских географических и картографических навыков и знаний в формировании российской военно-топографической службы. Однако, рассматривая этот период, он вообще не исследует очень важный для истории польской и русской картографии совместный географический и топографический проект двух стран, целью которого была съемка и составление трехверстной карты Царства Польского (Топографическая карта Царства Польского / Topograficzna karta Królestwa Polskiego / Carte-topographique du Royaume de Pologne) (масштаб 1:126000), которая была опубликована Генеральным штабом действующей армии в Польше на 61 листе. Эта карта рассматривалась многими европейскими картографами, как одна из лучших топографических карт того времени. Она была результатом совместных работ, проводившихся в 1815–1839 годах офицерами польской Квартирмейстерской части и топографами российского Генерального штаба под руководством генерал-майора Карла Ивановича Рихтера. Польские топографы изначально получили образование в традиции французской школы инженер-географов, и, таким образом, во время съемок Царства Польского русские профессионалы получали более глубокое представление о методах и традициях этой школы, с которой они познакомились впервые после Французской революции (1789–1799), когда некото-

рые аристократы инженеры-географы (топографы) эмигрировали в Россию и поступили на службу в Генеральный штаб Русской армии. Затем, в течение европейской кампании русской армии против Наполеона I (1813–1815) русские офицеры получили богатую практику рекогносцировочных съемок с использованием трофейных французских карт и инструментов. Трехверстная карта Царства Польского была опубликована в 1843 году на польском языке. Помимо этой карты польские и русские топографы и географы в течение этих съемок составили 14 рукописных томов описаний природы и населения страны (на польском языке) и первый тематический атлас Польши с детальным отображением лесов, почв, геологии, населения, религиозных конфессий, образования и других характеристик природы и общества Царства Польского. Эти рукописные материалы сейчас хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве и они являются редким и впечатляющим свидетельством польско-русских научно-технических контактов и взаимодействия в географических исследованиях и картографировании Польского королевства. Эти материалы изучались польскими и русскими исследователями в рамках совместного проекта Института истории науки, просвещения и техники Польской национальной академии наук с Институтом истории естествознания и техники АН СССР. Автор настоящего сообщения руководил этими исследованиями со стороны нашей академии, а профессор Юзеф Бабич со своим отделом истории естествознания Института истории науки в Варшаве были исполнителями с польской стороны. В рамках этого проекта мы планировали опубликовать все обнаруженные нами материалы, связанные с созданием трехверстной топографической карты, для чего их копии были официально переданы польской стороне. Лихие 1990-е годы сделали невозможным осуществление наших

планов. Тем не менее некоторые результаты этих исследований были представлены на международных конференциях и опубликованы, но Стивен Сигел, помимо беглого упоминания в примечаниях моей депонированной монографии, не обратил никакого внимания на этот уникальный международный проект.⁵⁰

Совершенно очевидно, что для усиления «историко-картографической составляющей» книги Стивену Сигелу было бы полезно исследовать использование польскими эмигрантами трехверстной карты Польского королевства в качестве источников их картографических произведений, являющихся, по сути дела, главным объектом исследований американского ученого.

Наши изыскания показывают, что хотя эта печатная топографическая карта не была предназначена для свободного распространения, её можно было приобрести не только в России. Сказанное подтверждает, что для Стивена Сигела основной целью была не история картографии, а исследование истории геополитики, политической географии, этничности народов Приграничья и их идентичности, борьбы трех европейских империй за эти Приграничья. Автор, вольно, или невольно рисует картину жестокого угнетения Российской империей её частей Польши, включая украинские

⁵⁰Одна из первых польских публикаций, см: Krassowski, Bogusław. Topograficznakarta Królestwa Polskiego : (1822–1843) / Bogusław Krassowski ; Biblioteka Narodowa, Zakład Zbiorów Kartograficznych. (Warszawa: BN, 1978). К сожалению Богуслав Крассовский ошибся в датировке начала работ над этой картой: 1822 вместо 1815. О деталях истории этого проекта см., например: Postnikov A.V., BabiczJ. Studia naddziejami Poznania ziem słowiański chzachodnichi środkowy chźródeldopow staniamapy Królestwa Polskiego. (Studies on the History of Geographical investigations of the Western and Central Slav's Lands in view of new sources on the origin of the Map of the Kingdom of Poland) // Kwartalnik historii nauki i techniki. = Quarterly journal of the history of science and technology. Roc.29, 4. – Warszawa, 1989. – S. 941–945.

и белорусские земли, в противовес «демократичным» (?!) порядкам, установленным династией Габсбургов на территории украинской Галиции и закарпатских русинов. Автор старается показать как процессы Приграничья отображались на картах, при этом он вводит в оборот до сих пор мало известные картографические произведения польских эмигрантов, в этом отношении, книга в известной мере оправдывает свое название «Картографируя Европейские Приграничья...», но и в том, что касается истории картографии эта работа не всегда отвечает требованиям исторической точности и объективности. Выше мы отметили, что Стивен Сигел не счел необходимым включить в свой труд работы по созданию Топографической карты Польского королевства. Помимо этого вольного, или невольного упущения, автор допустил ряд ошибок в очерке истории русской картографии XVIII века. Например, он рассказывает нам следующее: *Когда Генеральная съёмка земель [России] началась в 1766, её проводили, главным образом армия и внутренние министерства, основываясь, в основном, на предложениях [Жозе-Николя] Делиля и съёмках Кассини во Франции* (с. 34, 72). Это утверждение неверно, так как идеи и методы Делиля и Кассини, базировавшиеся на триангуляционном обосновании съёмки, которое не использовалось русскими гражданскими (а не военными) землемерами в XVIII в. Российская военная топография, хотя её официальная история может отсчитываться с основания Генерального штаба армии (1763) не участвовала в съёмках Генерального межевания и базировалась на иных принципах (триангуляции и использования мензульных /а не астролябических, как в Генеральном межевании/ съёмки), причем фактическое начало военно-топографических съёмок относится к самому концу XVIII – началу XIX столетия (1799–1812–1822 гг.), о чем и сам Стивен Сигел нам кое-что рассказывает.

Стивен Сигел утверждает, что «разграбленные» русскими в 1775 году коллекции Библиотеки Залуского (Zaluski Library) были «частично» возвращены большевиками в 1921 году по условиям Рижского договора. Это утверждение о якобы «частичном» возвращении коллекций не подтверждено автором никакими источниками, а что касается российских архивов и библиотек, их описи и каталоги отмечают факт отправления всех этих материалов в Польшу в 1921 году, за исключением некоторых копий карт, атласов и описаний, составленных с участием российских специалистов. Приходится удивляться тому, что Стивен Сигел не знал, или не счел нужным упомянуть, трагическую судьбу этих коллекций во время Варшавского восстания 1944 года, когда нацисты, после подавления сопротивления поляков сожгли книги, карты и рукописи Национальной библиотеки Польши (включавшей Библиотеку Залуского и другие варшавские собрания).⁵¹

В целом, при несомненно большой работе, проведенной Стивеном Сигелом, чувствуется, что автор очень спешил занять место в ряду бурного потока современных западных публикаций, в той или иной мере, касающихся Украины,⁵²

⁵¹ Knuth, Rebecca. *Burning books and leveling libraries: extremist violence and cultural destruction*. (Greenwood Publishing Group, 2006): 166.

⁵²См., например: Magocsi, Paul Robert *Historic Atlas of east Central/Central Europe* (University of Washington Press, 1993, 2003); Magocsi, Paul Robert. *Historical Atlas of Central Europe. A History of East Central Europe* (revised and expanded ed.). (Seattle: University of Washington Press, 1993, 2002); Sedlar, Jean W. *East Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500* (Seattle: University of Washington Press, 1994); Stone, Daniel Z. *The Polish-Lithuanian State, 1386–1795* (Seattle: University of Washington Press, 2001); Sugar, Peter F. *Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354–1804* (Seattle: University of Washington Press, 1977); Kann, Robert A. and David Zdenek V. *The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918* (Seattle: University of Washington Press, 1984); Wandycz, Piotr S. *The Lands of Partitioned Poland, 1795–1918* (Seattle: University of Washington Press, 1975);

и поэтому, возможно, в его монографии приведены весьма неполные списки использованной литературы и указатели.

В заключении, позволим себе, опираясь на мнения современных западных «игроков» Большой Игры, сделать некоторые выводы о продолжении противостояния, по сути дела, Запада и Востока на современном этапе.

Американский политолог, бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский называет Центральную Азию «Евразийскими Балканами», вкладывая в этот термин вполне определенный смысл – здесь, мол, находится «пороховая бочка» Евразии, ее ключевой геостратегический район, за который соперничают многие державы, включая США.⁵³ Американский геополитик как бы пытается вернуть мир на столетие назад, ко временам «Большой игры» в Азии. На международной арене произошла перегруппировка «игроков», существенное расширение субъектов действия, хотя объект приложения их усилий остался практически прежним.

Как субъекты международного права давно ушли в прошлое обе соперничавшие империи – Российская и Британская. После дезинтеграции СССР совместными усилиями внешних и внутренних недоброхотов нашей Родины, на политической карте мира появилось значительное количество новых независимых государств, объединившихся в СНГ. Китай, Индия и Пакистан стали мировыми ядерными державами. Однако если мы взглянем на этот регион с точки зрения внешнеполитической стратегии России, то окажется, что в последнее десятилетие XX века произошел фактический «откат» России из огромного района Центральной

Rothschild, Joseph. *East Central Europe between the Two World Wars* (Seattle: University of Washington Press, 1974).

⁵³Бжезинский З. *Великая шахматная доска*. (М.: Международные отношения, 1998): 149–180.

Азии и Закавказья (т.е. произошло как раз то, к чему призывал Чарльз Макгрегор в 1884 году), и это поставило перед Российской Федерацией в более острой форме необходимость борьбы за отстаивание своих государственных и национальных интересов в регионах, связанных с ней тесными историческими, культурными и экономическими узами.

Национальные интересы, их приоритетность, определяются в современном мире на основе разумного национального эгоизма. Они тесно связаны с обеспечением реальных прав нации на политическую, территориальную, культурную, языковую свободу и самостоятельность, на равноправное сосуществование с другими нациями и народами.⁵⁴

В настоящее время одним из острейших вопросов мировой политики стала концепция «нового мирового порядка». Рассмотрение этого вопроса показывает, что он отнюдь не является чисто теоретическим. Проблема создания новой структуры международных отношений касается национальных интересов всех государств современного мира. В чем суть проблемы? Говоря об отношении к ней России, Китая и Индии, американский политолог Шерман Гарнетт раскрывает и основную линию противоречий: *Все три государства, в большей или меньшей степени, преисполнены подозрений к тому, что они наблюдают как мировой порядок, в котором доминируют США. Каждое из них предпочитает какую-то версию того, что в Российско-китайской декларации в апреле 1997 года было названо «многополярный мир». Они видят этот мир как тот, который даст больше простора их основным национальным интересам.*⁵⁵

⁵⁴Шевцов В.С. *Государственный суверенитет (вопросы теории)*. (М., 1979): 167–168.

⁵⁵Garnett Sh. *Influencing transition States: Russia, China, and India. Carnegie Endowment for International Peace. Project on "Foreign and Security Policy Problems" & Program on Asia Security*. (WashingtonDC, July, 1998): 3.

Действительно, «новый международный порядок», за создание которого выступают не только Россия, Китай и Индия, но и подавляющее большинство государств, – это новая структура международных отношений, реально складывающаяся в связи с объективными реалиями развития отдельных стран и призванная создать оптимальные условия для реализации их национальных интересов, нацеленная на то, чтобы обеспечить новые исторические условия, в которых будет жить человечество в XXI столетии. Обновляющаяся система мировых политических, экономических и культурных связей должна строиться на демократических началах, принципах Устава ООН, основных принципах международного права. При ее создании следует в полной мере учитывать ценностные ориентиры каждой цивилизации, региональные интересы групп стран, национальные интересы каждого участника мирового сообщества.⁵⁶

В 1990 г. в Англии вышла книга, британского журналиста, путешественника и исследователя Питера Хопкирка (1930–2014) Большая игра. На секретной службе в Центральной Азии, в которой он, характеризуя современную ситуацию в регионе, заявляет, в частности, следующее:

Сегодня в Центральной Азии разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц уже называют это новой Большой Игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает одним

⁵⁶Подробнее об этом см.: Мясников В. С. «К читателю», в книге: Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). (М.: «Памятники исторической мысли», 2001): 3–14.

из величайших сокровищ двадцатого века – фантастическими запасами нефти и природного газа, намного превышающими потенциал Саудовской Аравии и прочих государств Персидского залива. Добавьте к этому золото, серебро, медь, цинк, свинец, железную руду, уголь и хлопок – и станет ясно, почему внешние силы так усиленно обхаживают новые власти Центральной Азии»⁵⁷.

Этот регион представлял собой основную часть «дуги напряженности», которая, по мнению американской дипломатии, простиралась от Балкан, через Кавказ до Алтая и Памира. Американская, турецкая и японская дипломатия проявляли бешеную активность, чтобы закрепить влияние своих государств в этом регионе. Кавказско-каспийский участок «дуги напряженности» был объявлен Конгрессом США зоной жизненно важных интересов Вашингтона.⁵⁸

Япония давала займы Киргизии, в Таджикистане и Узбекистане активизировались экстремистские мусульманские движения. Вся эта активность была нацелена на то, чтобы вытеснить Россию из Центральной Азии, и вывести НАТО на рубежи глубокого стратегического тыла нашей страны и Китая.⁵⁹

⁵⁷Хопкирк П. *Большая игра. На секретной службе в Центральной Азии*. (М., 2004): 18-19. Английское издание: Hopkirk, Peter. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*, (London: John Murray, 1990).

⁵⁸Вашингтон совсем не волнуется то, что у Прикаспийских государств существуют свои геополитические интересы. См.: Мамедов З. Ф. *Формирование геостратегических векторов прикаспийских государств*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук. М., 2006.

⁵⁹В 1999 г. на юбилейной сессии НАТО в Вашингтоне была принята резолюция, допускавшая операции сил НАТО в любом районе мира. Подробнее, см.: Смирнов П. Е. *Новая стратегическая концепция НАТО и место в ней стран-партнеров*. <http://www.iskran.ru/russ/works99/smirnov.html>

Следует отметить, что этой «дипломатии натиска» противостояла не только российская дипломатия, но и дипломатия новых независимых государств Центральной Азии. Интереснейший материал по этой проблеме содержит фундаментальная монография одного из важных участников внешнеполитического процесса Казахстана, министра иностранных дел Республики Казахстан К.К. Токаева. Автор в деталях рассматривает взаимоотношения своей республики как с непосредственными соседями по региону, так и с целой группой государств Востока (Индией, арабскими странами) и Запада (США, ведущими европейскими державами, Японией).⁶⁰

И, наконец, Украина. Казалось бы непостижимо, как могло случиться, что наша страна празднует семидесятилетие Великой победы советского народа в Отечественной войне в условиях, когда на Украине, по сути, дела возрождается фашизм и льется кровь невинных людей?

И на этот вопрос можно найти ответ в сочинениях Збигнева Бжезинского, абсолютно не скрывающего своих мечтаний о полном расчленении России. Он придает исключительное значение независимой Украине для глобальной мировой политики, оценивая сам факт её возникновения как третьего по своей исторической значимости события в XX столетии после развала Австро-Венгрии и раздела мира на противоположные системы после Второй мировой войны, причём, в современных условиях он отводит Украине роль «буферной зоны», которая поможет «трансформировать» Россию в государство, покорное воле «заокеанских хозяев». ⁶¹Таким образом, представители геополитики американской и севе-

⁶⁰Токаев К. К. *Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана*. (Алматы, 1997).

⁶¹Бжезинский и американская геополитика экспансионизма. <http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm>

роатлантической гегемонии рассматривают Украину не как самостоятельную геополитическую единицу, которая имеет собственные интересы на международной арене, а как объект усиления своего влияния и давления на Россию.

Как было показано в нашей работе, современные западные геополитические концепции весьма серьёзно поддерживаются научными изысканиями и публикациями в рамках специализированных центров славянских и восточно-европейских исследований, хорошо финансируемых государственными и частными фондами. Здесь, как и в некоторых других отраслях научного знания, нам ещё предстоит много сделать, а знаний и энтузиазма у российских учёных достаточно, что, в частности, регулярно доказывают ежегодные конференции по приграничному сотрудничеству в Чите.

Alexey Vladimirovich Postnikov

*Russian Academy of Sciences Institute of the History
of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Moscow, Russia*

«GREAT GAME IN ASIA» AGAINST RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. On base of archival and published sources I have studied complex geopolitical processes of competition between Great Britain and Russia in huge spaces of Eurasia from Balkan Peninsular and Mediterranean up to the Russian Far East and North Pacific in the Eighteenth – through Twentieth Centuries. Nearly all European countries, as well as Osman Empire, Qing Empire (China), and U.S.A had been involved in the Great Game. I had explored the modern geopolitical developments and found them to be a continuation of the “Great Game” with a little bit changed company of actors.

Key words: Geopolitics, Eurasia, Great Britain, Osman Empire, Russian Empire, Austro-Hungary, Mediterranean, Balkans, Greece, Poland, Lithuania, Ukraine, North Caucasus, Central Asia, Siberia, Far East, Russian America, Qing Empire, diplomacy, political intelligence.

**Рецензия на публикуемую рукопись А.В. Постникова
«Большая игра в Азии» против России:
история и современность»**

*Ответственный редактор доктор исторических наук,
профессор М. В. Константинов. Чита, 2015*

Рецензируемая рукопись одного из крупнейших ученых в области политической географии и истории картографии профессора А.В. Постникова представляет собой композиционно четко построенный очерк, который близок к жанру памфлета. Памфлет, как известно, – это небольшое, но острое сочинение политического характера. Автор давно изучает тему «Большой игры в Азии», в частности на Памире. Настоящий очерк следует рассматривать как естественное продолжение исследования по указанной теме.

В основу исследования положены материалы литературных и архивных источников, которые позволяют охарактеризовать традиционное соперничество между Россией и Британией на обширной территории практически всей Евразии. Истоки соперничества, а иногда и противостояния, как справедливо отмечает автор, восходят к 60-м годам XVIII века, когда Екатерина II, учитывая стратегические политические, географические и экономические интересы России, целенаправленно возродила активную европейскую политику, начатую Петром I.

Рукопись написана прекрасным русским языком, читается с большим интересом. Это обусловлено тем, что содержание очерка-памфлета весьма актуально для исторического периода конца XX, начала XXI века. Во-первых, из содержания работы следует, что стремление к однополярному миру – тупиковый путь, может быть полезен только для стран «Золотого миллиарда». Во-вторых, геополитический

процесс – всегда должен быть управляем, контролироваться стратегическими интересами государства, в частности России. В-третьих, что прямо указано на с. 24, недруги России нередко брали курс на формирование в общественном сознании государств ложного образа нашего государства, а также активно поддерживали любые политические движения, организации, деятельность которых способствовала ослаблению и разрушению российской государственности. Как тут не вспомнить некоторые правозащитные организации в современной России?

Более того, автор рукописи далее подчеркивает, что англичане внимательно следили за освоением обширных сибирских территорий и сами принимали участия в ознакомлении с природой, населением, его хозяйственной и иной деятельностью, но и переводили труды других путешественников по восточным окраинам Российской империи, особенно если эти работы представляли Россию в неблагоприятном свете. Именно уроки истории, в частности «Большой игры в Азии», позволяют четче и глубже понять современные политические процессы в Европе и мире, определить истинных и мнимых друзей нашей страны, что, к сожалению, не смогли увидеть многие демократы-интеллигенты в 90-х годах прошлого века в России.

У меня нет никаких сомнений в целесообразности публикации представленной рукописи, которая выполнена на высоком профессиональном уровне. Очерк, безусловно, найдет своего достойного читателя и, вероятно, оппонентов. Выскажу одно пожелание. Книгу бы украсил эпиграф из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России».

К. Н. Дьяконов,

проф., член-кор. РАН, зав. кафедрой физической географии и ландшафтоведения МГУ

17 мая 2015 г.

Научное издание

Постников
Алексей Владимирович

**«Большая игра в Азии» против России:
история и современность**

Подписано в печать 17.06.2015. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Способ печати оперативный. Усл. печ. л. 4,5.
Уч.-изд. л. 4,8. Заказ № . Тираж 500 экз.